

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

ДРЕВНЕКОМИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Коми язык является одним из старописьменных языков Советского Союза: письменность на коми языке возникла во второй половине XIV в. Ее создателем был миссионер Стефан Храп, который впоследствии за свою деятельность среди пермян (так называли русские древних коми) получил название Пермский.

Около 1375 г. Стефан составил древнекоми азбуку в «24 буквы, по числу букв греческой азбуки и по речи пермского языка»¹ — как нам повествует его жизнеописатель Епифаний. Начертания древнекоми букв свидетельствуют о том, что Стефан составил азбуку в основном по образцу греческих и славянорусских букв с учетом графической стороны коми тамги (родовых знаков) и т. п.

Стефан перевел на древнекоми язык некоторые молитвы и песнопения. В 1379 г. Стефан отправился в коми край и сосредоточил свою деятельность в центре территории Вычегодского бассейна — в Усть-Выми. Он здесь продолжает создавать литературу на коми языке, организует богослужение на родном языке новокрещеных, учит их коми грамоте, готовит духовенство из коренного населения и т. д. Биограф Стефана Епифаний сообщает нам: «Пение он перепевал им, перелагал на пермский язык и научил их переписывать пермские книги, которые он переводил на пермский язык. С этого времени они учили друг друга грамоте, с книг переписывали книги, которые умножались и пополнялись»². «Всех же крещеных своих... грамоте пермской учил... И пошы его пермским языком служили обедню, заутреню и вечерню, пермской речью пели... и чтецы чтение читали пермским языком»³. Так было положено начало древнекоми письменности.

Деятельность Стефана простиралась в основном на территорию бассейна Вычегды. Преемники его, пермские епископы (пермская

¹ См.: «Памятники старинной русской литературы», вып. 4. Под ред. А. Н. Пыпина, 1862.

² Там же.

³ Там же.

епархия с центром в Усть-Выми была организована в 1383 г.), продолжали расширять территорию своей епархии, обращая в христианство печорских коми (1398—1416 гг.) и коми-пермяков (1456—1470 гг.), так что через сто лет все коми население (и зыряне и пермяки) было обращено в христианство.

От древнекоми письменности сохранились скудные остатки в виде списков азбуки, надписей на иконах, приписок в русских рукописных книгах XV—XVI вв. — общим объемом в 225 слов связанного текста; кроме того, сохранился текст заупокойной обедни в 600 слов (в четырех списках), записанный русскими буквами, но на том же языке, что и памятники, написанные стефановской графикой. Текст обедни был переведен со стефановской графики на русскую во второй половине XVII в. Нужно полагать, что Стефаном и его преемниками создано значительное количество церковной литературы на древнекоми языке и эта литература получила распространение на всей обширной территории коми-зырянского и коми-пермяцкого края, занимавшей весь северо-восток Европы.

Древнекоми письменность просуществовала три столетия (XIV—XVII вв.). Преемники Стефана, не знавшие коми языка и грамоты, не могли и не старались готовить среднее и низшее духовенство из коми. Вследствие этого богослужение в пермской епархии постепенно перешло с древнекоми на церковно-славянский язык. Причиной забвения древнекоми письменности является также то, что язык этой письменности стал малопонятным коми-зырянам XVIII в., так как к этому времени в языке коми народа произошли большие изменения как в фонетике (утратились закрытые гласные, огубленные гласные среднего ряда делябилизировались и т. д.), так и в лексике (многие древнекоми слова заменились русскими заимствованиями: *веритны* вм. *экскыны*, *збыль* вм. *ина*, *надея* вм. *кежасян*, *гӧлӧс* вм. *гора* и др.).

Сохранившиеся памятники древнекоми письменности свидетельствуют о том, что язык литературы XIV—XVII вв. имел единую систему графики и орфографии, также е д и н ы е языковые нормы, в основе которых лежал устьвымско-нижневычегодский диалект того времени. Стефановская графика была характерна тем, что звуки передавались на письме по фонологическому принципу: каждой фонеме соответствовала особая графема. Следуя этому принципу, автор древнекоми азбуки изобрел для специфических звуков коми языка (аффрикат *ž* и *ž'*, закрытых *q* и *q'*) особые буквы; исключением является звук *ö*, который обозначался той же буквой (омегой), что и открытое *o*; мягкость согласных обозначалась диакритическим знаком (*н'ан'*), а не с помощью особой буквы (ср. русск. *ь*), или посредством следующей йотованной гласной (ср. русск. *я*, *ю*, *е*); не употреблялись буквы, обозначающие два звука (ср. русск. *я* — *йа*, *ю* — *йу*), а эти звуко сочетания передавались, как и всякие звуко сочетания, двумя буквами (*иа*, *иу*, *иэ*, *ио*, *иы*, *ии* и т. д.).

Впоследствии, в конце древнего периода (XVII в.), фонологи-

ческая графика была постепенно вытеснена (под влиянием системы русского письма) нефонологическим письмом, в котором стали употребляться буквы, соответствующие русским я, ю, е, ъ, ѣ и т. д.: *югыдъ* (= древнекоми *йугыд*) 'светлый', *енлонъ* (= древнекоми *изнлон*) 'у бога', *локтысь* (= древнекоми *локтыс*) 'идуший', *нянесь* (= древнекоми *н'ан'эс*) 'хлеба' и др. Однако специфические звуки древнекоми языка (*ž, ž', č, q, ɛ*) продолжают обозначаться в стефановской графике XVII в. особыми буквами. Это отражается в древнекоми обедне, механически переписанной со стефановского алфавита на русский, например: *кузи* (= стефановск. *киž'i*) 'как', *ужалыслу* (= *užalis'lu*) 'делающему', *кѣжаламъ* (= *kežalat*) 'ожидаю' и т. д. — аффрикаты не обозначаются двойными буквами, как это мы видим позже (*дж, дз*).

Таким образом, мы уже в XVII в. наблюдаем борьбу между двумя системами графики, применяемыми в коми языке. Эта борьба между фонологической системой графики, ориентированной на звуковые особенности коми языка, и нефонологической системой, механически перенесенной с русского литературного языка, происходит и позднее — в XIX и XX вв.

Древнекоми литературный язык значительно отличался от современного, в нем были особые фонемы (закрытые *q, ɛ*), специфические падежные суффиксы (дат. пад. *-лу* в.м. совр. *-лы*, соед. пад. *-кѳт* в.м. совр. *-кѳд*), вин. пад. местоимения *миянды* в.м. совр. *миянѳс* 'нас', особые спрягаемые формы глагола *мунам* в.м. совр. *муна* 'иду', *мунамным* в.м. совр. *мунам* 'идем' и т. д. Лексический состав имел существенные отличия от современного коми языка, в частности содержал много слов, отсутствующих в современном языке или встречающихся только в отдельных окраинных диалектах, например: *арт*⁴ 'чин', *бер* 'весь', 'всякий', *бурдла дор* 'правая рука', *вайман* 'конец', *варкѳс* 'лукавый', 'черт', *велмѳссыны* 'явиться', *вись* 'жертва' и т. д. (больше 60 слов).

Многие слова имели иное значение, не совпадающее со значением современного коми-зырянского литературного языка, например: *верѳс* 'мужчина', (совр. 'муж'), *войны* 'говорить', 'сказать' (совр. 'осуждать'), *карта* 'дом', 'хозяйство' (совр. 'хлев'), *кутшѳмкѳ* 'как', 'подобно' (совр. 'какой-то') и т. д.

Стефан искусственно образовал ряд терминов для обозначения понятий церковного обихода, например: *быдкутьсь* 'всдержитель' (букв. 'всѳ держащий'), *вежасыны* 'освятиться' (*вежа* 'святой', 'освященный'), *видзан* 'спасение' (*видзны* 'беречь', 'спасти') и т. д.

Перечисленные слова составляют пятую часть всех слов, встречающихся в памятниках древнекоми языка, что, разумеется, затрудняло понимание коми-зырянами XVIII в. текстов, написанных на коми языке XIV в. Кроме того, нужно принять во вни-

мание, что многие слова имели иную суффиксацию (*тѳрмѳдссыны* 'торопиться', совр. *тѳрмасыны*; *миянды* 'нас', совр. *миянѳс*), не говоря уже о различиях фонетического характера. Словом, разговорный язык коми народа стал значительно отличаться от древнекоми литературного языка. Это обстоятельство и послужило основной причиной замены в XVIII в. древнекоми литературного языка таким литературным языком, в основе которого лежали живые коми-зырянские диалекты. Нужно сказать, что для перехода с древнекоми письменности на коми-зырянскую в XVII в. была подготовлена почва в самой древнекоми графике: в нее были введены буквы, соответствующие русским ъ, ѣ, я, ю, которые уже употреблялись в древнекоми письме этого времени в том же значении, что и в русском языке. В литературный древнекоми язык частично проникли зырянские диалектизмы: *ачис* в.м. древнекоми *ачыс* 'он сам', *кутысе* в.м. *кутысьѳ* 'в держащего' — нижевычегодские черты; суффикс дательного падежа ед. ч. и мн. ч. *-лы* в.м. древнекоми *-лу*, суффикс деепричастия *-иг* в.м. *-ыг*, суффикс соединительного падежа *-кѳд* в.м. *-кѳт* — сыктывкарско-вычегодские особенности.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XVIII в.

Из памятников письменности XVIII в. сохранились рукописи «Божественной службы» на зырянском языке (в четырех списках)⁵, содержащей около 1000 слов (около 450 корней), и «Разговорник» (в двух списках), содержащий около 200 зырянских слов и 100 коротеньких выражений с переводом на русский язык⁶. Списки этих памятников несколько отличаются друг от друга (по орфографии, по наличию отдельных слов и выражений) — следовательно, они были не скопированы один с другого, а списаны с разных списков, не дошедших до нас⁷. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в XVIII в. имело хождение большое количество списков «Божественной службы» и «Разговорника» и в употреблении были более исправные списки, чем сохранившиеся теперь (в сохранившихся списках много ошибок и описок, затрудняющих понимание).

Г. С. Лыткин⁸ предполагает, что «Божественная служба» представляет собой переделку более древнего текста, подобно Ле-

⁵ Первоначальный список «Обедни» был в употреблении в 1779—1789 гг.

⁶ Один из списков «Разговорника» напечатан в «Дневных записках путешествия академика И. И. Лепехина», т. 3. СПб., 1780, стр. 250. Этот список перепечатан и расшифрован в кн.: В. И. Лыткин. Дрвннепермский язык. М., 1952, стр. 148—161.

⁷ См.: З. И. Кузнецова. Обзор памятников коми письменности XVIII в. «Историко-филол. сборник», вып. IV. Сыктывкар, 1958.

⁸ Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889, стр. 32.

⁴ Древнекоми слова передапы современной графикой.

пехинскому (т. е. «Заупокойной обедни» — текста, написанного русскими буквами на древнекоми языке. — В. Л.), и переделка произведена, видимо, зыряннином, обучавшимся в Устюжской семинарии. Автор переделки приспособил текст обедни к коми-зырянскому языку, однако часть слов из древнекоми текста оставил (*межӧс* 'господь', *кан* 'царь', *каналомъ* 'царствование', *мылыштъ* 'помилуй', *эскыны* 'верить', *нималӧм* 'слава', *вежа лов* 'святой дух', *вӧйпны* 'говорить' и т. д.). В этих памятниках содержатся также слова, вышедшие теперь из употребления, например: *пан* 'владыка', *паналӧм* 'владычество', *дерть* 'истина' и др.; малоупотребительные слова или слова, имеющие в современном народном языке иное значение: *веськыд* 'правда', *курич* 'веревка' (косык), *дзоридз* 'цветок', *дзоридзавны* 'цвести' (два последние слова в современных диалектах коми языка употребляются только применительно к ягодным растениям).

В «Разговорнике» XVIII в. тоже встречается немало таких слов, которые теперь или совсем не употребляются или встречаются только в некоторых окраинных диалектах, а также в фольклоре и фразеологизмах, например: *айкурӧг* 'петух' (букв. 'курица-самец'), *баяр* 'боярин', 'господин', 'барин', *баярань* 'боярыня', 'госпожа', 'барыня', *вежа лов* 'святой дух', *вежа лун* 'воскресенье', (*енмӧс*) *вердысь* 'богородица', *весьтас* 'вправду', 'чисто-сердечно'.

Трудно сказать, употреблялись ли все эти слова в разговорном языке Нижней Вычегды XVIII в. Возможно, часть из них механически перенесена из более ранних рукописей.

Таким образом, в языке памятников XVIII в. мы наблюдаем преемственную связь с языком предыдущей эпохи. Эта преемственность наблюдается не только в языковых нормах, в основе которых — как древнекоми, так коми литературных языков XVIII в. — лежит по преимуществу нижневычегодский диалект, но и в графике и орфографии, носящим как правило единообразный характер. Единообразие в графике выражается в следующем: а) *е*, *ю*, *я*, *ъ*, *ь* употребляются в том же значении, в каком они употреблялись в русском языке; б) в передаче одной буквой двух звуков: буквой *о* передаются звуки *о* — *ӧ* (после мягкого согласного звук *ӧ* часто передается также буквой *е*), буквой *ж* — звуки *ж* — *дж* (в стефановской азбуке буквы, обозначающие эти звуки были очень похожи друг на друга), буквой *з* — звуки *з* — *дз* (в «Божественной службе» звук *дз* обычно передается звуком сочетанием *дзь*, что мы видим также изредка в «Разговорнике»), одной буквой *ч* передаются звуки *тиш-ч* (иногда мягкость *ч* обозначается также последующей йотованной гласной буквой или ставится после *ч* мягкий знак, например: *чюньяс* 'пальцы', *чювѣ* 'тихо'); в) твердость парных согласных перед *э*, *и* не обозначается (*они*, совр. *ӧни* 'теперь', *лезем*, совр. *лэдзӧм* 'отпускная', буква *э* употребляется только в начале слова); встречаем единичные написания типа

сѣия, совр. *сийӧ* 'он'; г) после мягких согласных вм. *ы* пишется *и* (*сылысь*, совр. *сылысь* 'покойный', *тенсид*, совр. *тэнсьид* 'у тебя') — это можно также считать нижневычегодским диалектизмом.

Из орфографических особенностей рассматриваемых памятников следует отметить, что словоизменительные суффиксы обычно пишутся слитно, а послелоги раздельно с теми словами, к которым они относятся. Как орфография, так и графика памятников XVIII в. очень близки к графике и орфографии младших текстов древнекоми «Обедни».

Диалектной основой литературного языка XVIII в., как и древнекоми языка, является нижневычегодский говор, значительно изменившийся к этому времени. Язык «Разговорника» всецело отражает черты нижневычегодского диалекта, например: *выим* 'есть', *мен* 'мне', *карны* 'делать', *кудзи* 'как', *ин* 'не', (отриц. гл. повел. накл.), *инь* 'самка', *дойд* 'сани', *лэбын* 'вилы' и др. Формы типа *войтыркӧт* (с *т* на конце), *водзинджыг* (с конечным *г*), вероятно, появились под влиянием письменности предыдущего периода.

В «Божественной службе», наряду с нижневычегодскими чертами (*нӧшта* 'еще', *сія* 'он', *тая* 'этот', *ны пытыкын* 'в них'), встречаются и сыктывкарско-вычегодские (*ичӧт* 'маленький', *эм* 'есть', *кыдзи* 'как', *керны* 'делать', *кеммысьны* 'молиться'). Систематическое употребление *е-и* вместо *ӧ-ы* в первом слоге после мягко согласного, наблюдаемое в обоих памятниках письменности XVIII в., можно считать особенностью не только современного нижневычегодского диалекта, но и сыктывкарского говора, в разных населенных пунктах которого (в Сыктывкаре, Вильгорт, Шешках) наблюдается это явление. Наличие звательной формы и формы повелительного наклонения на *-ӧ* вместо современного сыктывкарского *-ӧй* можно отнести как к нижневычегодскому диалекту, так и к литературному древнекоми языку.

Основной особенностью языка памятников письменности XVIII в. следует считать то, что они написаны на вэ-эловом диалекте — это первые памятники коми-зырянского языка, в котором мы видим последовательное употребление *в* — *л*: *висьтав* — *висьталі* 'расскажи' — 'рассказал'. Вся предшествующая литература была написана на эловом диалекте. Таким образом, уже в ранний период развития коми письменности (XIV—XVIII вв.) наблюдается значительное различие в языковой норме и графике литературного языка: древнепермский (древнекоми) литературный язык был ориентирован на употребление этимологического *-л-* (который сохранился в диалектной основе того времени) и на фонологический принцип графики. В первое время употреблялась стефановская азбука, которая впоследствии (в XVII в.) была заменена славянорусской. В основе литературного языка XVIII в. лежал вэ-эловый диалект, русская азбука без всяких дополнительных знаков и русская система письма. Первая разнovidность литератур-

ного языка отражала весьма точно фонетическую систему коми языка (правда, звуки *о-ѳ* передавались одной буквой), между тем в литературном языке второй разновидности многие звуки коми языка оказались необозначенными на письме: *ѳ, дж, тш*, твердые согласные перед *и-е*, звук *ы* после мягкого согласного и т. д.

В XIX и XX вв. оба варианта литературного языка развиваются параллельно, при этом исходным пунктом их являются буквы русского алфавита. Сторонники этих вариантов стремятся совершенствовать графику, вводя в русский алфавит дополнительные буквы, видоизменяя их, прибегая к диакритическим знакам, употребляя буквосочетания и т. д.; целью этих изменений является передача на письме всех фонем коми языка. Борьба между этими двумя школами коми графики происходит в течение целого столетия, она разгорается именно вокруг системы графики; вопрос диалектной основы вызывает меньше разногласий. В разные периоды развития литературного языка доминирует то или иное направление. Филологи и литераторы дореволюционного периода мало занимались вопросами орфографии и терминологии. Эти вопросы обсуждались и получили то или иное решение в Советскую эпоху.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XIX и XX вв.

Наиболее последовательно фонологический принцип письма был проведен известным коми ученым Г. С. Лыткиным (1835—1906), который для обозначения всех 33 фонем коми языка использовал особые буквы: кроме *ѳ*, употреблявшейся уже до него, он ввел слитные буквы *дж, дз'* для обозначения аффрикат *дж* и *дз* (впрочем, изредка эти слитные графемы применялись и до него); для звука *й* ввел букву (*j*); мягкие согласные обозначал диакритическим знаком над буквой (*нан* 'хлеб', *јуѳ* 'лебедь')⁹, при этом русскую букву *ч* употреблял в значении твердой аффрикаты *тш*, а соответствующую мягкую аффрикату обозначал этой же буквой с диакритическим знаком над ней (*чын* 'дым', *ч'ун* 'палец'). Аналогичной графической системы придерживались многие другие деятели коми литературы, например Н. П. Попов (1801—1873), П. И. Саввантов (1815—1895), И. А. Куратов (1839—1875) и др.; правда, они употребляли в качестве знака смягчения *j* (*нјанј*).¹⁰

Во второй половине XIX и в начале XX в. графикой, основанной на фонологическом принципе, было издано довольно много книг¹¹. В этот период выходила также литература, написанная

⁹ Мягкость согласных передавалась диакритическим знаком над буквой еще в древнекоми языке; этот знак в XIX в. впервые стал употреблять акад. А. И. Шегрен. Такой способ обозначения мягкости согласных Г. С. Лыткин заимствовал — как он сам пишет об этом — у Шегрена. Он критически относился к обозначению мягкости согласных при помощи *j*, практикуемого П. И. Саввантовым, поскольку эта буква обозначала также фонему *й*.

¹⁰ П. Саввантов. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850 (в грамматике приложены фольклорные тексты); О н ж е. Зырянско-русский

русской системой письма. Но эта система письма редко употреблялась в чистом виде, так как не могла передавать специфические коми звуки и звуко сочетания, поэтому приходилось вводить дополнительные буквы, употреблять сочетания букв и условные обозначения. В русской графике не было средств для передачи специфических коми звуков (*ѳ*, аффрикат *дж, дз, тш*), твердого согласного перед *и*, звука *ы* после мягкого согласного.

Звук *ѳ* еще в XVIII в. передавался Г. Ф. Миллером при помощи (*ѳ*)¹². Такой способ передачи этого звука мы видим и в грамматике зырянского языка А. Флерова¹³. Так обозначают этот гласный почти во всех изданиях XIX и XX вв. Таким образом, буква *ѳ* в коми письменности употребляется свыше двухсот лет; правда, в XVIII в. она употреблялась только в некоторых работах; в XIX в., начиная с грамматики А. Флерова (1813) и перевода «Евангелия от Матфея» А. Шергина (1823), эта буква получает права гражданства. В дореволюционной литературе отсутствовало единообразие в обозначении специфических аффрикат *дж, дз, тш*. Первая аффриката чаще всего передается буквосочетанием *ѳѳж*, вторая — *ѳзъ, ѳзј*, третья — буквой *ч* (мягкая пара которой обозначается *ч', чј*), *тш*¹⁴. Твердые согласные (из парных) перед *и* часто никак не передаются: одинаково пишутся *коли* (= *колі*) 'надо было' и *коли* 'оставил', 'осталось'; иногда вместо *и* употребляют *ы* (*колы* 'надо было'); выход из положения находят в употреблении *ѳ* после этих согласных: *колыѳ* 'надо было', *тыѳ* 'вы', *танѳы* 'здесь'¹⁵. Мягкие согласные перед *ы, ѳ* в некоторых изданиях обозначаются буквами *и, е*, употребленными вместо *ы, ѳ*: *сед* вм. *сьѳд* 'черный', *нер* вм. *нѳѳр* 'прутик', *пукси* вм. *пуксы* 'садись'. Замена одних гласных другими не могла удовлетворить людей, владеющих коми языком, так как она искажала смысл слов (*нѳѳр* 'прутик', *нер* 'дразни', *пукси* 'я сел', *пуксы* 'садись'). Выход находят в употреблении йота (*j*) или мягкого знака (*ь*) перед *ы, ѳ* после мягкого согласного: *нјыв, нъыв* 'пихта', *сјыв, съыв* 'пой' и т. д.

К 10-м годам XX в. графическая система русского литературного языка была приспособлена к коми языку настолько, что на письме получили отражение все фонемы языка коми. В качестве

и русско-зырянский словарь. СПб., 1850; Н. П. Попов. Учебник зырянского языка. СПб., 1868; И. А. Куратов. Зырянский язык. 1865—1866. — «Вологодские губернские ведомости»; переводы Г. С. Лыткина: «Божественная литургия». СПб., 1883; «Евангелие». СПб., 1885; «Псалтирь». СПб., 1885 и т. д.; Г. С. Лыткин. Зырянский край... О н ж е. Русско-зырянский словарь. Л., 1931 и т. д.

¹¹ G. F. Müller. Sammlung Russischer Geschichte, Bd III, СПб., 1758.

¹² А. Флеров. Зырянская грамматика. СПб., 1813.

¹³ Ср.: *чѳктѳ* 'заставляет', *отчѳдѳ* 'однажды', *кыдѳ* 'как' (Катехизис, 1863).

¹⁴ Ср.: *сьѳсь* 'его' (Катехизис, 1863).

иллюстрации можно привести издания краеведа А. А. Цембера, в которых употребляется русский алфавит (без ятя и фity) и русская графика с ее специфическими буквами: ю, я, ъ, ѳ, е, э¹⁵. А. А. Цембер употребляет *ѳ*, *дж*, *дзь*, *тиш*; *ѳ* после твердых парных согласных перед *и*: *ѳѳи*, *танѳи* (он употребляет *и*, а не *у*); *ѳ* после парных мягких согласных перед *ы*, *ѳ*: *ньѳѳ* 'стрела', *сьѳѳ* 'пой'.

Кроме рассматриваемого вида графики, перед революцией имело хождение также письмо школы Г. С. Лыткина, основанное на фонологическом принципе. Фонологическое письмо восходит к стефановскому периоду, его придерживались также деятели XIX в. (П. И. Савваитов, И. А. Куратов, Г. С. Лыткин, академики А. И. Шегрен, М. А. Кастрен, Ф. И. Видеман). Две школы письма (фонологическая и нефонологическая) сосуществовали в течение долгого времени — с XVI до XX в. Перед революцией они имели одинаковое распространение. Таким образом, графика коми литературного языка развивалась в двух направлениях и к 10-м годам XX в. представители обоих направлений достигли известных успехов: тем или иным способом фонемы коми языка передавались на письме, т. е. оба вида письма оправдывали свое назначение.

Как обстояло дело с диалектной основой литературного языка? Основная масса литературы издавалась на сыктывкарско-вычегодском диалекте: на этом диалекте была еще написана «Божественная литургия» XVIII в. (рукопись); «Евангелие от Матфея», 1823, переведенное А. Шергиным; грамматика и словари П. И. Савваитова, 1850; книга А. В. Красова, содержащая переводы, грамматику и словарь; книги А. А. Цембера: «Русско-зырянский словарь», предисловие к двум фольклорным сборникам и стихотворениям М. Н. Лебедева и Д. Я. Попова, помещенным во втором фольклорном сборнике; в книгах Г. С. Лыткина (их было издано выше десяти) приводятся лексика и грамматика сыктывкарского диалекта с употреблением *л* по-сысольски. Эти авторы наряду с сыктывкарскими словами употребляли ряд слов, взятых из других диалектов, и из языка предшествующей им литературы, создавали искусственные слова и т. д., но основа оставалась сыктывкарской. До революции, в XIX и XX вв., девять десятых литературы издавалось на наиболее распространенном сыктывкарско-вычегодском диалекте. А. А. Цембер пишет, что «при составлении словаря избран наиболее распространенный говор зырянского языка вычегодско-устысольский»¹⁶.

Издания на других диалектах коми языка не носили массового характера, время от времени появлялись лишь единичные кни-

¹⁵ См. А. А. Цембер. Русско-зырянский словарь. Усть-Сысольск, 1910; Он же. Коми мойдан кывъяс (Коми сказки). Усть-Сысольск, 1912; Он же. Коми мойдан і сылан кывъяс (Коми сказки и песни). Усть-Сысольск, 1914.

¹⁶ А. А. Цембер. Русско-зырянский словарь, предисловие.

ги: например, на сысольском говоре была издана грамматика И. А. Куратова, на удорском диалекте — грамматика А. Флерова, на верхневычегодском — перевод катехизиса А. Попова (1863), на ижемском говоре — «Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка» П. Михайлова; разговорник XVIII в., сохранившийся в рукописях, был составлен на нижевычегодском диалекте и т. д.¹⁷.

Таким образом, исторически сыктывкарский говор лег в основу коми-зырянского литературного языка. В дореволюционной литературе имеются относительно единые нормы в лексике и грамматике, но этого нельзя сказать о фонетических нормах ее сыктывкарской основы. Мы уже говорили, что язык произведений Г. С. Лыткина ориентирован на эловый диалект. Различия между языком разных литературных произведений, базирующихся на сыктывкарско-вычегодском говоре, выражается также в употреблении в первом слове *ы-ѳ* — с одной стороны (Г. С. Лыткин) и *и-э* — с другой (А. Шергин, П. И. Савваитов, А. А. Цембер и др.). Это различие объясняется тем, что авторы литературных произведений ориентировались на язык различных населенных пунктов присыктывкарского диалекта, речь которых несколько отличалась друг от друга.

Графическая система и диалектная основа в значительной мере определяли орфографию; они не могли разрешить лишь проблему слитного и раздельного написаний. В этом деле большую услугу оказали грамматики, изданные в XIX в.: А. И. Шегрена, М. А. Кастрена, П. И. Савваитова, Ф. И. Видемана, Г. С. Лыткина, а также словари П. И. Савваитова. Г. С. Лыткина, А. А. Цембера и т. д. Многие из этих трудов преследовали цели нормировочного характера (например, работы П. И. Савваитова, Г. С. Лыткина). В них были даны образцы словоизменения и словообразования, при этом суффиксы словоизменения и словообразования писались слитно, а послелоги отдельно¹⁸. Правила, установленные в грам-

¹⁷ В. И. Лыткин. Древнепермский язык. М., 1952, стр. 148—155.

Интересно отметить, что в свое время коми язык преподавался в Вологодской духовной семинарии, в Архангельской духовной семинарии (по-видимому, в XIX в.) и Тотемской учительской семинарии (в начале XX в.). Впоследствии преподавание было прекращено из-за отсутствия преподавателя. В Вологде и Тотьме, вероятно, преподавание шло по книгам П. И. Савваитова и Г. С. Лыткина, в которых ориентация держится на сыктывкарский говор. В библиотеке Тотемской учительской семинарии во время моей учебы в ней (1912—1916 гг.) имелась единственная книга по коми филологии «Зырянский край» Г. С. Лыткина.

¹⁸ Единственным исключением является И. А. Куратов, который суффиксы словоизменения имен и некоторые другие суффиксы писал отдельно от основ, например: *мукѳд ыс... једжѳд Пасѳѳм а ѳсј* 'некоторые в белой одежде'; *Вок јас, јудас Му ѳј ылын!* 'Братья, наступит рассвет на моей земле!' Раздельное написание некоторых суффиксов (*сянѳ*, *ѳдз*, *тѳдз*, *яс*, *джѳ* и др.) мы находим и у других писателей.

матиках, проводились также в литературных произведениях этих деятелей.

В деле формирования и дальнейшего развития литературного языка громадное значение имели грамматика и словари. Мы уже говорили о нормативных грамматиках и словарях П. И. Саввантова и Г. С. Лыткина. Однако эти пособия были сравнительно невелики. Если грамматика этих ученых могли удовлетворять потребности формирующегося литературного языка, то этого нельзя сказать о словарях: лексическое богатство коми языка не было выявлено вплоть до окончания составления «Русско-зырянского словаря» Н. П. Попова¹⁹.

Таким образом к XX в. не только графика (в двух вариантах), но и диалектная основа и орфография коми литературного языка в общих чертах оформились, несмотря на то, что функционирование письменного языка было крайне ограничено (школы на родном языке не было, литературы издавалось очень немного). Все же за сто лет (1813—1914 гг.) было издано около 60—70 названий книг, брошюр, листовок и т. п., включая словари и грамматик; чем ближе к нашему времени, конечно, тем больше выходило из печати литературы; в первой половине XIX в., например, появилось в печати всего 5—6 произведений, а за последние 30—40 лет до рево-

люции вышло 40—50 изданий. Но все это по сравнению с литературой советского периода составляет мизерную цифру.

До революции развитие коми литературного языка всеми мерами тормозилось царским правительством. Царизм боялся просвещения народов, боялся пробуждения национального самосознания. Показательно в этом отношении следующее заявление: «... утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школы — и тем самым (страшно выговорить) утвердите и разовьете соответствующую народность»²⁰. Вот в такой обстановке развивалась коми литература, формировался коми литературный язык. Однако находились самоутвержденные люди в XIX в. (П. Ключков, И. А. Куратов, Г. С. Лыткин и др.) и в XX в. (М. Н. Лебедев, А. А. Цембер и др.), которые занимались литературной обработкой коми языка, стремились развивать печатное слово. Так, например, в 1912 г. К. Ф. Жаков в Устьысольском уездном земстве поднимал вопрос об издании газеты на коми языке. Земство, состоящее из русских чиновников и местных кулаков, отвергло его предложение, мотивируя свой отказ тем, что зыряне русифицируются и в скором времени не будет их языка.

Противники развития коми литературного языка в течение столетий выдвигали довод о русификации коми народа, они внедряли в сознание народа мысль о том, что язык его исчезает и поэтому не стоит его развивать. А. Флеров еще в 1813 г. отмечал, что среди писателей нашлись такие, которые «решились утверждать, что... язык зырянский давно уже потерян»²¹.

Между сторонниками развития коми языка, зырянофилами (как их иронически называли в XIX в.), и противниками создания литературы на коми языке (зырянофобами) происходит напряженная борьба. Еще в конце XIV в., как свидетельствует Епифаний Мудрый, в Москве «некоторые, бедные умом, говорили: зачем созданы книги на пермском (т. е. древнекоми — В. Л.) языке? Для чего составлена пермская азбука? Раньше же не было в Пермской земле своей грамоты... Теперь же, за 120 лет до конца света, задумали составить азбуку!»²² (Верующие в то время ждали конца мира, который должен наступить через 120 лет). В Москве находились и такие люди, которые восхищались деятельностью Стефана: «Как он сумел создать пермские книги, откуда ему такая мудрость?»²³.

Эта борьба продолжалась и позже. Зырянофобы, являющиеся проводниками царской руссификаторской политики, утверждали, что коми язык беден и груб, в нем масса русских слов, и создавать

¹⁹ Этот рукописный труд, содержащий богатый лексический материал, имел большое значение в деле развития словарного состава коми литературного языка. Хотя этот словарь и не увидел света, все же почти весь лексический материал его вошел в словарь акад. Ф. И. Видемана (F. J. W i e d e m a n n. Syranisch-deutsches Wörterburg nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register. Petersburg, 1880). Позднее Г. С. Лыткин по поручению Академии наук составил на основании рукописного словаря Н. П. Попова «Русско-зырянский словарь» (СПб., 1907—1931). Рукопись словаря Н. П. Попова утрачена, и мы можем судить о нем лишь на основании упомянутых словарей Ф. И. Видемана и Г. С. Лыткина. Словарь Н. П. Попова составлялся в течение нескольких десятков лет целым коллективом лексикографов-любителей. В корреспонденции из Усть-Сысольска в 1883 г. говорится о том, что «в Усть-Сысольске давно составляется словарь зырянского языка... работа начата была устьысольским мещанином Мальцевым по внушению акад. Шегрена... по смерти Мальцева продолжение труда приняли на себя добровольным вызовом: устьысольский уездный стряпчий Николай Попов, купеческий сын Алексей Суханов и крестьянин Устькуломского селения Филипп Попов». Суханов вскоре умер, и работа легла на плечи Ф. Попова и Н. Попова, что замедлило составление словаря (он был сдан в Академию наук в законченном рукописном виде лишь в 1863 г.). Автором словаря считается Н. П. Попов, между тем как последний только систематизировал, приводил в алфавитный порядок и переписывал набело готовые тетради переводов, сделанных Ф. Поповым (см. «Коми му», 1927, № 1—2, стр. 82—83). Труд Н. П. Попова на завершающем этапе подвергся полной переработке Афанасия Моторина, студента Вологодской семинарии, ученика П. И. Саввантова. Н. П. Попов был организатором работы по составлению словаря, Афанасий Моторин — редактором, а все остальные (Мальцев, Суханов, Ф. Попов) — сотрудниками. Трудно сказать, какая доля работы выпала каждому из этих сотрудников. Несомненно, самым образованным среди них был Моторин, знавший коми язык теоретически и практически.

²⁰ ЖМНП, 1867, февраль, стр. 37.

²¹ А. Ф л е р о в. Зырянская грамматика, предисловие.

²² Г. С. Л ы т к и н. Зырянский край..., стр. 7.

²³ Там же.

на нем литературу невозможно и нет смысла, и этого якобы сам народ не хочет, поскольку все коми население хорошо владеет русским языком, поэтому, дескать, не читает литературы на родном языке²⁴. Зырянофилы же стремились создать литературу на коми языке, установить нормы литературного языка, составить грамматику, собирать словарь, всемерно выявлять богатство коми речи. Появлению переводов и оригинальных произведений, фольклорных сборников на коми языке, грамматик, словарей и т. д. в дореволюционный период мы обязаны зырянофилам, среди которых были как передовые русские люди, изучившие коми язык (проф. П. И. Савvaitов, штабс-капитан Н. П. Попов, писатель М. Н. Лебедев и др.), так и выходцы из коми народа (поэт и лингвист И. А. Куратов, языковед и литератор Г. С. Лыткин, поэт П. Ключков, лексикографы-любители Филипп Попов и Афанасий Моторин, краевед А. А. Цембер и др.). Правда, в тяжелые годы царского режима было опубликовано мизерное количество книг на коми языке, но зато имела довольно широкое распространение рукописная литература, среди которой были произведения не только церковного, но и светского характера (стихи, песни, сказки, повести и т. д.)²⁵, а также словари, грамматики, разговорники и т. п. Эти рукописи, оформленные большей частью на сыктывкар-

²⁴ Приведем некоторые выдержки из статей, напечатанных в газетах XIX и начала XX в. Вот что писал некто Аврамов («Вологодские губернские ведомости», 1859, № 28): «Поддерживать зырянским... бесполезно; потому что зыряне не имеют никаких письменных памятников, не знают своей истории и ныне издаваемых на их наречии книг и переводов не читают, частью по неудовлетворительности самих переводов, а частью потому, что для них непонятнее книги русские. Самый язык беден словами, так что уже теперь весьма много, почти наполовину, употребляется в нем слов русских». Другой противник коми литературы С. Е. П., автор статьи «О переводах книг и брошюр на зырянский язык», напечатанной в «Вологодских епархиальных ведомостях» от 15.XII 1904 г., стр. 679, пишет: «Умножать ли такие переводы, да и вообще всю зырянскую литературу, в настоящее время — время усиленного старания правительства о насаждении в простом народе начальной русской грамотности? Современное состояние зырянского языка, далеко уклонившегося от своего начального вида, надобности в этом не представляет. Школы всех типов содействуют обрусению зырянского населения края, и ныне едва ли найдется в нем такой уголок, где бы не было слышно русской речи, где бы ее не понимали зыряне». Аналогичной точки зрения держался и К. Л. Попов, написавший книгу «Зыряне и зырянский край» (М., 1874), в которой он делал акцент на бедности коми языка, отрицал существование у коми народа самобытной поэзии, оригинальных песен и т. д. Этот ученый муж (он был членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии) в своем очерке отмечает, что у коми есть и сторонники развития литературы, причисляя к ним И. А. Куратова и В. Е. Кичина.

²⁵ В. Е. Кичин в «Вологодских губернских ведомостях» (1866, № 2, 3) пишет: «Вот для примера пять зырянских песен, виденных мною в рукописи одного природного, образованного зырянина, и слышанных в недавнее время в пении их некоторыми устьсысольскими зырянками». Далее он приводит текст этих песен. Эти песни оказались стихотворениями И. А. Куратова, но уже измененными в отношении орфографии: в них мы видим сыктывкарское употребление *е* вместо куратовского *и*, куратовская орфография сохраняется

ском диалекте с известным соблюдением правил правописания, рекомендуемых грамматиками того времени, также способствовали упрочению норм литературного языка. Зырянофилы встречались не только среди выдающихся ученых и литераторов того времени, каковыми были, например, П. И. Савvaitов, Г. С. Лыткин и И. А. Куратов, но и среди рядовых интеллигентных людей, которые доброжелательно относились к коми литературе, интересовались ею и верили в возможности развития ее²⁶. Чем ближе к нашему времени, тем больше становилось таких людей. Однако условий для развития коми литературы и литературного языка не было: не было ни школы на родном языке, ни печати, не было возможности издавать литературу.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

ФОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Необходимые условия для развития коми литературного языка, как и языков других народов СССР, были созданы лишь в результате исторической победы Великой Октябрьской социалистической революции. В первые же дни после победы Великого Октября Коммунистическая партия и Советское правительство дают права гражданства языкам народов советской страны и выдвигают как неотложную задачу создание письменности на родном языке.

Перед коми народом встают сложные вопросы языкового строительства: проблема алфавита и системы письма, диалектной основы литературного языка и т. д. Эти вопросы требовали неотложного разрешения прежде всего в связи с введением родного языка в школу. В 1918 г. было введено преподавание на коми языке в шко-

в написании существительных с заглавной буквы и в раздельном письме суффиксов словозменения имен, ср.:

Вын-ыдь лы Мывкыд-ыдь 'Твоей силе твой рассудок
Пуктась медь Дом! Пусть наложит узду!

Однако выясняется, что у коми еще в середине XIX в. была целая плеяда поэтов (И. А. Куратов, П. Ф. Ключков, Е. Лыткин, П. Распутин, Мельников, Лыков), произведения которых распространялись рукописно, и многие из них вошли в фольклор, распеваались в народе и дошли до наших дней. Историк коми литературы и куратовед П. Г. Доронин в 1939 г. обнаружил у старой учительницы Ф. И. Забоевой целую тетрадь коми песен, которые собирала она в 80—90-е годы прошлого столетия по заданию Г. С. Лыткина. Среди этих песен были стихотворения поэта П. Ф. Ключкова 1830—1853 гг. (см. «Войвыв кодзув», 1961, № 6, стр. 80).

²⁶ А. Попов в статье «Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению», напечатанной в «Вологодских губернских ведомостях» (1848, № 11—12), говорит: «Что бы ни вышло, а будет то, что найдутся и такие, что будут дарить зырян поэзией, и не хуже той, какова Байрона или Гете: в век изобретений, в век чудес, чего не сделают знатоки дела... У меня есть перевод нескольких повестей из Крумахаера с русского на зырянский».

ле 1 ступени и преподавание коми языка как отдельного предмета во всех школах II ступени. Вопрос о родном языке в школе поднимался не раз уже до этого времени. Передовые учителя сознвали всю нелепость запрета употребления родного языка в школе. Так, например, в августе 1917 г. на Устьысыольском уездном учительском съезде сельский учитель Т. Т. Сердитов делал доклад о введении родного языка в школу. Знаменательно, что съезд встретил доклад гробовым молчанием: учителя были запуганы инспекторами, которые всячески преследовали учителей за каждое слово, произнесенное на языке учащихся.

В июне 1918 г. на курсах учителей Яренского уезда, на которых присутствовала также часть учительства Устьысыольского уезда, вопрос о родном языке поднимается самым серьезным образом. Здесь проводятся практические мероприятия по введению родного языка в школе: даются показательные уроки для детей 1 класса на родном языке (по обучению грамоте — В. А. Молодцов и по арифметике — П. Климушев). В. А. Молодцов знакомит слушателей курсов со своим алфавитом и читает ряд лекций по грамматике коми языка. Небезынтересно отметить, что слушатели своими силами поставили спектакль на коми языке.

Яренские курсы, на которых лекции читали квалифицированные педагоги, приглашенные из столицы, принесли коми учителям большую пользу: им стало ясно, что введение родного языка в школу — это элементарное требование передовой педагогической науки, что это является одним из мероприятий по реализации национальной политики Советской власти, что коми язык рано или поздно будет введен в школы. На курсах было решено в ближайшее же время созвать объединенный съезд учителей Устьысыольского и Яренского уездов, в которых жила основная масса коми-зырян, для разрешения самых насущных вопросов языкового строительства. Такой съезд собрался в августе 1918 г. в с. Усть-Выми — в древнем центре коми-зырянского края. После горячих дебатов по вопросу о введении родного языка в школу, об алфавите и диалектной основе коми литературного языка, совещанием были приняты весьма важные решения, послужившие базой дальнейшего развития коми литературного языка. За основу литературного языка был принят присыктывкарский говор как говор культурного и экономического центра большинства коми-зырян, который представляет собой переходный говор между тремя самыми распространенными диалектами коми-зырянского языка (нижневьчегодским, верхневьчегодским и среднесыольским²⁷) и является вполне понятным большинству коми-зырян. Кроме того, приняты были во внимание и литературные традиции, а также то, что среди носи-

²⁷ По данным переписи 1926 г., на присыктывкарском, нижневьчегодском (вместе с вымским), верхневьчегодским (вместе с печорским) и среднесыольском диалектах говорило около 62,8% населения. На этих диалектах была издана почти вся дореволюционная литература (см. выше).

телей этого говора больше образованных людей, могущих/активно участвовать в оформлении и развитии литературного языка, чем среди носителей других говоров. Совещание одобрило молодцовский алфавит, и большинство участников совещания положительно отнеслось к вопросу о введении родного языка в школы. Для подготовки педагогических кадров для коми школ решено было открыть в Усть-Выми Зырянскую учительскую семинарию.

Проведение в жизнь этих решений встретило большие затруднения. Для введения родного языка в школу нужны были учебники на коми языке, напечатанные на молодцовском алфавите с соблюдением особенностей присыктывкарского диалекта. Между тем в распоряжении школы вообще не было никаких учебников на родном языке, и их издание в ближайшее время было невозможно, так как не было соответствующего шрифта. В. А. Молодцов составил свой алфавит по тому же принципу, что и алфавит Г. С. Лыткина, т. е. фонологическому; иными словами, каждая фонема обозначалась особой буквой. Однако начертания графем были составлены Молодцовым без соблюдения требований графики и без учета полиграфических возможностей. Правда, этот алфавит был составлен на основе русской азбуки, но в него были введены без необходимости латинские буквы (*j, d, i*), придуманы были буквы с хвостиками (для аффрикат *дж, дз*) и с загибами для мягких согласных (*нь, зь, сь, ть, ль, дь*), некоторые буквы были взяты в ином звуковом значении (*щ* в значении аффрикаты *тш*, *е* в значении *э*). Многие новые буквы были полиграфически несовершенны (например, буквы для звуков *дь, зь*), другие легко смешивались (*ж* и *жс* с хвостиком)²⁸. В результате такого кабинетного творчества получился алфавит в 33 буквы, из которых 11 отсутствовало в русском алфавите (8 не встречалось вообще в алфавитах России) и две употреблялись не в том значении, в каком в русской азбуке. Этот алфавит вызвал большие затруднения полиграфического характера — нужно было изготовить специальный шрифт. В годы гражданской войны и разрухи это было весьма трудно выполнимым делом: заказ на шрифт был выполнен в Петрограде только через два с лишним года (в 1920 г.). До этого времени школы оставались без учебников, хотя запрет на употребление родного языка в школьной жизни был снят еще в 1918 г. Лишь рукописный букварь В. А. Молодцова, напечатанный на гектографе, в 1919 г. в ограниченном количестве был разослан по школам как пособие для учителей, но в распоряжении учащихся не было никаких книг.

Возникает вопрос: почему был принят и утвержден весьма несовершенный и практически неудобный молодцовский алфавит? Нужно принять во внимание, что В. А. Молодцов был в то время

²⁸ В связи с тем, что по-русски букву *е* читали не как *э*, а аффриката *дз* обозначалась видоизмененной буквой *з* (теперь пишется *мэданін* вм. тогдашнего *мэданін*), происходит совпадение различных слов по форме.

единственным коми филологом, получившим образование в Петрограде (он окончил учительский институт). В. А. Молодцов в вопросах принципов составления алфавитов систематически консультировался со своим учителем Л. В. Щербой и впоследствии, в 1923 г., во время дискуссии о коми алфавите он добился одобрения Л. В. Щербы.

Во-вторых, у В. А. Молодцова не было конкурентов, так как коми языком и графикой интересовались только отдельные лица; некоторые из них пользовались алфавитом Г. С. Лыткина (А. А. Чеусов, В. Т. Чисталев и др.), другие употребляли русскую систему письма с теми или иными изменениями (А. А. Цембер, М. Н. Лебедев и т. д.). Эти люди при обсуждении молодцовского проекта алфавита не проявляли особой активности — может быть, не желая создать раскол среди сторонников коми языка, которых в первое время и без того было весьма ограниченное количество. Их привлекала также стройность графической системы, построенной на вполне научных основах, когда буква строго соответствовала звуку (фонеме) и передача речи на письме происходила просто, без сложных и непоследовательных графических условностей, что наблюдалось, например, в русском языке (звук *й*, в нем передавался на письме разнообразными способами: *яма* — *јама*, *волчы* — *волч'ю*, *съял* — *съял*, *май* — *мај*).

В-третьих, никто не предвидел трудностей полиграфического характера: сам Молодцов и его сторонники считали, что изготовление шрифта — это дело нетрудное и он будет изготовлен в течение нескольких месяцев. Не были приняты во внимание также трудности изучения русской графики, построенной на иных принципах: разные звуковые значения одних и тех же букв (*щ*, *е*) в коми и русском языках, наличие разных букв для одних и тех же звуков коми и русского языка (звук *д* по-коми обозначался буквой *d*, по-русски — *д*; звук *й* по-коми обозначался буквой *j*, а по-русски, например, в слове *край*, буквой *й*; звук *и* по-коми буквой *i*, а по-русски — буквой *и*), а также разные способы обозначения мягких согласных в русском и коми языках — все это чрезвычайно осложняло изучение русского языка в школе. Видную роль сыграли в деле упрочения алфавита также энергия и настойчивость его автора.

Установление твердых норм письменного языка вызывалось не только потребностями школы, но и всей общественно-политической обстановкой коми края, возникшей после революции. В 1918 г. на территории коми края появляются две уездные газеты: «Зырянская жизнь» (в Усть-Сысольске) и «Известия Яренского совета» (в г. Яренске), на страницах которых изредка печатаются статьи и стихотворения на коми языке²⁹. В это же время на местах орга-

низируются культурно-просветительные кружки, которые ставят на родном языке спектакли, устраивают концерты (при некоторых кружках имелись переводческие комиссии), в связи с чем появляется потребность в литературе репертуарного характера³⁰. В 1918—1920 гг., т. е. до получения молодцовского типографского шрифта, Коми комиссия (см. ниже) размножала материал на пишущей машинке и гектографе (в эти годы было разослано на места много десятков пьес, стихов и др.), на местах эту литературу переписывали, невольно внося изменения графического и орфографического (диалектного) характера. При этом приходилось применять своеобразную систему письма, так как пишущие машины не были приспособлены к молодцовскому алфавиту.

Вся литература этих годов (1917—1920), появлявшаяся в печати, машинописи и рукописи, оформлялась различной графикой и орфографией, так как, во-первых, техника (типография и пишущие машинки) не была приспособлена к молодцовскому алфавиту; во-вторых, не было никаких грамматических пособий; в-третьих, не все литературные работники были знакомы с нормами присытывкарского диалекта. Коми комиссия рассылала часть литературы на места в виде написанных от руки текстов с соблюдением всех правил графики и орфографии (эти тексты размножались на гектографе — так, например, был разослан по школам букварь Молодцова), но другая часть коми литературы, как мы говорили уже, размножалась типографским способом (в газетах) и на пишущей машинке, следовательно, не могла отражать графические нормы молодцовского письма.

До получения шрифта коми литература печаталась двумя способами: 1) русской графикой, близкой цемберовскому письму (с употреблением букв *ю*, *я*, *ъ*, *ь* и т. д.), 2) русскими буквами, но с применением приемов письма, приспособленных к молодцовской графике (без употребления букв *ю*, *я*, *ъ*, *ь* и с употреблением *е* в значениях *и*, *щ* в значениях *тиш*, с обозначением мягких согласных во всех положениях посредством *ь*: *ем* 'есть', *щбц* 'вместе', *нъань* 'хлеб', *йай* 'мясо', *сьизым* 'семь') — такой вид письма можно назвать молодцовским. До принятия молодцовского алфавита коми литература после революции печатается цемберовской графикой, с 1919 г. начинает появляться на страницах газеты «Зырянская жизнь» молодцовская графика, которая употребляется в этой газете вплоть до появления молод-

²⁹ В «Зырянской жизни» первое коми произведение относится к № 4 1918 г., стихотворение Н. А. Шахова «Водзе», а в «Известиях» (27.VIII. 1918) были напечатаны стихи В. И. Лыткина.

³⁰ Любительские спектакли на родном языке начали ставиться еще в первой половине 1917 г., так, например, в это время была поставлена «Женитьба» Гоголя — сначала в Сыктывкаре, а потом на местах, в августе 1917 г., в народном доме Сыктывкара была поставлена пьеса Л. Н. Толстого «От него все качества» — это еще единичные случаи появления коми языка на любительской сцене. Это явление носит массовый характер со второй половины 1918 г.; в начале 1919 г. на сцене мы уже видим оригинальные пьесы В. А. Савина «Гудрасьём» («Болтовня») и «Ыджыд мыж» («Большое преступление») и др.

цовского шрифта, постепенно вытесняя цемберовскую графику. В «Зырянской жизни» новый шрифт появляется только 25 августа 1920 г. В этом же году, в декабре, выходит из печати первая книга на новом литературном языке — букварь В. А. Молодцова. В газете «Известия Яренского совета», в которой изредка появляются произведения на коми языке, употребляется цемберовская графика (см., например, стихи В. И. Лыткина от 27.VIII 1918, являющиеся первым произведением на коми языке в этой газете). Приведем пример молодцовоидной графики:

Кыж туй
Отыкыс тырõма лõптõн,
Кысьõ лок нюр вомõн
Полг-тыр, кышолõн...
Мунны сет — бõрдг-тыр... õткõн.
(«Югд туй» от 21.IV 1920) *Варыш* (А. А. Маегов).

Перевод на русский язык: 'Две дороги. Одна завалена хламом, тянется через зыбучие болота окольным и робким путем... Идти по ней — плача... одиноким',

Это стихотворение, написанное цемберовской графикой, выглядело бы следующим образом:

Отыкыс тырõма лõптõн,
Кысьõ лек нюр вомõн
Полгтыр, кышолõн...
Мунны сэт,— бõрдгтыр...õткõн

(отмечены места, отличающиеся от молодцовоидной графики).
Современная орфография:

Отыкыс тырõма лõптõн,
Кысьõ лек нюр вомõн
Полгтыр, кышолõн...
Мунны сэт,— бõрдгтыр...õткõн.

(отмечены места, отличающиеся от цемберовской графики).

Таким образом, до появления молодцовского типографского шрифта литература печаталась или цемберовской или молодцовоидной графикой: первый вид письма был доступен людям, знавшим русскую грамоту, а вторым видом письма распространялась литература с той целью, чтобы легче было перейти к молодцовской графике, которая в печати не появлялась вследствие отсутствия шрифта. Одновременно с этим происходило ознакомление населения с молодцовской азбукой и с нормами литературного языка: в школах изучают алфавит по рукописному букварю, на курсах и съездах учителей читают лекции по коми грамматике, в школах I и II ступени ведется преподавание родного языка; коми язык преподается также в Усть-Сысольской учительской семинарии (В. А. Молодцов), во вновь открытой Усть-Вымской

учительской семинарии (А. С. Сидоров), в школах II ступени г. Усть-Сысольска (В. И. Лыткин); распространяется литература в рукописях и т. д. Словом, молодцовская графика получает некоторое распространение среди населения еще до получения шрифта.

Однако отсутствие печатного слова сказывалось отрицательно на развитии письменности на родном языке: в 1917—1920 гг., в течение трех лет, не было напечатано ни одной коми книги. Это объясняется тем, что Коми комиссия, во главе которой стоял Молодцов, и отдел народного образования не хотели распространять печатную литературу на такой графической основе, с которой впоследствии пришлось бы переучиваться на молодцовскую графику. Такая установка, вероятно, была правильной в отношении учебной литературы (хотя нельзя считать нормальным и то, что школа, переведенная на родной язык, в течение двух лет оставалась без книг на коми языке). Что касается художественной литературы, то развитие ее сильно тормозил молодцовский алфавит, поскольку изготовление шрифта затянулось. Между тем в 1918—1919 гг. появился ряд художественных произведений М. Н. Лебедева, В. А. Савина, А. А. Маегова, В. Т. Чисталева, В. И. Лыткина, переводы А. А. Сухановой, А. Н. Чеусовой и др. Все эти произведения не могли увидеть свет из-за отсутствия шрифта. В газетах на коми языке печаталось крайне мало материала с помощью русской и молодцовоидной график: за 1918—1920 годы опубликовано около 30 стихотворений и 20—30 публицистических статей. Более крупные произведения газеты не могли помещать.

Октябрьская революция дала все возможности развивать литературу на родном языке. Но полиграфические трудности, связанные с принятием узконоционального молодцовского алфавита, задержали развитие печатного слова: в течение трех лет (первый букварь на коми языке вышел в декабре 1920 г.) на коми языке ничего не печаталось, если не считать вышеупомянутых стихов и небольших статей, появлявшихся время от времени на страницах двух уездных газет. Если бы был принят русский алфавит без изменения начертаний букв, то, безусловно, к 20-м годам вышли бы уже десятки произведений на коми языке, так как на таком алфавите можно было бы издавать книги в любом городе нашей страны.

Особенно отрицательно сказалось отсутствие молодцовского шрифта на работе в начальной школе, где учителя вынуждены были учить грамоте и родному языку без учебников на коми языке в течение двух-трех лет и при ограниченном количестве учебной литературы — в продолжение семи-восьми лет³¹.

✓ ³¹ Об этом говорят следующие данные о выпуске учебной литературы: 1. В. А. Молодцов. Лыддысьны велõдчан (букварь), 28 стр., 7000 экз., декабрь 1920.

Всего издано было за 5 лет (1921—1925) 76 названий книг, большая часть из них была годна для внеклассного чтения. Однако учебников — как свидетельствует вышеприведенный перечень — среди них было очень немного. Это объясняется тем, что дело составления их оказалось весьма сложным и трудным: оно упиралось в отсутствие педагогических кадров, неразработанность вопросов орфографии и терминологии. Если в статьях, напечатанных в газетах в 1918—1920 гг. (т. е. до получения молодцовского шрифта), допускались колебания в графике, орфографии и терминологии, то этого нельзя было делать в литературе, предназначенной для школы: школьные учебники должны были заложить основы коми литературного языка. Язык учебников лег в основу коми литературного языка советского периода, вся прочая литература (общественно-политическая, научно-популярная, публицистическая, беллетристическая и т. д.) в нормах языка, орфографии и терминологии держала ориентацию на учебники, составленные авторитетными людьми и утвержденными в официальных учреждениях.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ УЧЕБНИКОВ

Работа по составлению коми учебников началась с реорганизаций Усть-Сысольского уездного отдела народного образования³², которая была произведена осенью 1918 г. Старое руководство отдела народного образования, безразлично относившееся к вопросам родного языка, было заменено коллегией в составе передовых учителей — И. Т. Чисталева, А. Н. Надеева, А. А. Цем-

2. «Шонді югър». Книга для чтения для 1—2 кл. 52 стр., 7000 экз. 1921.

3. В. А. Молодцов. Коми грамматика туй пыськӧдыс (Прокладыватель пути к коми грамматике). Коми грамматика в методическом изложении. Пособие для учителей. 3000 экз. Сыктывкар, 1921.

4. И. Т. Чисталев (Жан Морёс). Шыпас йӧртӧд (Закром букв). Букаръ для взрослых. 22 стр., 12 000 экз. Сыктывкар, 1922.

5. «Муыв чужӧм югдӧдӧм». Учебн. естествоведения для начальной школы. 30 стр., 10 000 экз. Сыктывкар, 1922.

6. Быль туйӧд (По новому пути). Книга для чтения для старших классов начальной школы. 234 стр., 10 000 экз. Сыктывкар, 1923.

7. «Арталӧм». Задачник для 1 кл. 48 стр., 2000 экз. Сыктывкар, 1923.

8. Н. А. Шахов. Коми-русский словарь. 85 стр., 2000 экз. Сыктывкар, 1924.

9. В. И. Лыткин. Асья кыа (Утренняя зоря). Книга для чтения в 1 кл. М. ЦИЗ, 1924.

10. «Арталӧм». (Задачник), ч. II. М. ЦИЗ, 1925.

11. В. И. Лыткин. Ичӧт школалы коми грамматика (Коми грамматика для начальной школы). 52 стр., 5000 экз. Сыктывкар, 1925.

³² В Усть-Сысольском уезде, заселенном почти исключительно коми-зырянами, тогда жило около 60% того коми населения, которое впоследствии вошло в состав Коми АССР. Остальные коми-зыряне жили в Яренском уезде Вологодской губ. (20%), Печорском уезде Архангельской губ. (14%) и Халтуринском уезде Вятской губ. (6%).

бера и С. М. Рочева³⁵. Заведующим школьным отделом был назначен И. Т. Чисталев, молодой учитель Помоздинской школы II ступени, человек высокой культуры, педагог-общественник, прекрасный организатор, пользовавшийся большим авторитетом среди коми учительства. Ионе Тимофеевичу Чисталеву (1893—1923) принадлежит исключительно большая заслуга в деле организации коми советской школы и в частности организации работы по составлению учебной литературы на коми языке. С его именем связаны почти все мероприятия первых годов революции, относящиеся к перестройке школы, составлению и распространению учебников, к развитию зарождающейся коми литературы и т. д.

Первым значительным мероприятием уездного отдела народного образования нового состава была организация «Комиссии по созданию и собиранию литературы для школ и коми народа» (сокращенно Коми комиссия), устав которой уездный исполком утвердил 28 ноября 1918 г. Членами-учредителями были: И. Т. Чисталев, В. И. Лыткин, А. А. Маегов, А. Н. Надеев, В. А. Молодцов, А. А. Цембер, В. П. Юркин и др. Коми комиссия являлась не только организацией по составлению учебников, но и первой коми литературной организацией. Большинство членов ее были писателями. Коми комиссия сразу же после организации обратилась к народу и интеллигенции с воззванием, в котором говорило о том, чтобы широкие массы коми интеллигенции оказали помощь в деле создания коми литературы, учебников, собирания фольклора и т. д. На призыв Коми комиссии откликнулись многие, в ее работе приняли живое участие М. Н. Лебедев, В. Т. Чисталев, В. А. Савин, учащиеся Усть-Сысольской учительской семинарии Н. П. Попов (Жугуль), Ф. В. Попов (Вась Педӧр), И. Е. Худяев и др. — все эти лица (кроме М. Н. Лебедева, который писал по-коми еще до революции) были начинающими писателями. Таким образом, Коми комиссия объединила вокруг себя коми поэтов и писателей.

Коми комиссия была своего рода кузницей возрождающейся коми литературы: литераторы почти каждый вечер собирались в помещении Комиссии, читали свои произведения, обсуждали их, отбирали лучшие произведения для учебников или для репертуара культурно-просветительных кружков. В 1919 г. в Усть-Сысольском и Яренском уездах функционировало свыше 60 кружков. Коми комиссия занималась не только созданием литературы, но и распространением ее среди населения — так, например, в 1919 г. было разослано 14 оригинальных и переводных пьес, напечатанных на гектографе в 40—60 экземплярах. Комиссией

³⁵ Видную роль в деле изменения состава отдела народного образования сыграл В. А. Молодцов, которому удалось добиться вынесения соответствующего решения в уездном исполнительном комитете.

рассылались также стихотворения, поэмы, песни, рассказы и т. п. репертуар для концертов, носивших тогда название «Коми рыт» («Коми вечер»).

Основной задачей Комиссии было создание учебников для коми школ. Она энергично приступила к выполнению этой задачи: подготовила и разослала по школам рукопись букваря В. А. Молодцова, собрала некоторый материал для книги для чтения после букваря, сосредоточила у себя произведения народной словесности и т. д. Но в скором времени А. А. Маегов, В. И. Лыткин и А. Н. Надеев ушли на фронт гражданской войны, а В. П. Юркин вообще не приступал к работе. В. А. Молодцов сам не создавал литературных произведений, а был лишь руководителем по вопросам грамматики и орфографии. Все легло на плечи И. Т. Чисталева, который и без того был перегружен своей текущей работой по школьному отделу УОНО.

И. Т. Чисталеву летом 1919 г. в помощь Коми комиссии удается создать бригаду из учителей-энтузиастов и молодых писателей для составления первой книги после букваря. В состав бригады входили: М. Н. Лебедев, В. Т. Чисталев, Н. А. Шахов — писатели; И. В. Жеребцов, А. А. Суханова, Н. А. Соснин, А. Г. Фролов, Г. А. Михеев, М. И. Йоль, А. М. Ватаманова, А. Н. Чеусова, А. Юркин — учителя; Н. П. Попов, Ф. В. Попов, И. Е. Худяев — учащиеся учительской семинарии, начинающие писатели и некоторые др. Главой бригады был А. Г. Фролов, а душой ее являлся В. Т. Чисталев (Тима Вень). Бригада работала почти все лето, и плодом ее кропотливого труда явилась книга для чтения после букваря, которая была издана в 1921 г. под названием «Шондй югёр» («Луч солнца»). При составлении этой книги обсуждали каждое слово, каждое выражение, каждый оборот речи с точки зрения того, можно ли употребить его в школьном учебнике, не противоречит ли оно установкам, принятым на соответствующих конференциях. В состав комиссии входили представители разных коми диалектов: сыктывкарского (Вильгорт, Сыктывкар, Тентюково, Слобода), верхневычегодского (Корткерос, Сторожевск, Помоздино, Пожег), среднесысольского (Межадор, Лозым, Пыелдино)³⁴, поэтому в лексику книги вошло известное количество слов несыктывкарского происхождения, тогда как в фонетических и грамматических нормах не было отступлений от диалектной основы.

Вся литература на коми языке просматривалась Коми комиссией (исключением являлись статьи газет 1918—1919 гг.), она

³⁴ Из членов бригады говорили на присыктывкарском диалекте — А. Г. Фролов, М. И. Йоль, И. В. Жеребцов (г. Сыктывкар), А. М. Ватаманова, А. Н. Чеусова, И. Е. Худяев (с. Вильгорт), Н. П. Попов (д. Тентюково), А. Юркин (д. Слобода); на среднесысольском говоре — Н. А. Соснин (д. Лозым), Г. А. Михеев (с. Пыелдино); на верхневычегодском говоре — М. Н. Лебедев (с. Корткерос), Н. А. Шахов (д. Пожег), А. А. Суханова (д. Вомын), В. Т. Чисталев и Ф. В. Попов (с. Помоздино).

оформлялась на сыктывкарском диалекте с соблюдением грамматических норм и поэтому играла весьма видную роль в деле выработки единых норм литературного языка. 6 декабря 1920 г. было организовано Коми издательство, в которое влились литературные силы, объединившиеся вокруг Коми комиссии. С этого времени школьная и прочая литература начинает издаваться типографским способом по молодцовской графике.

Вторым учебником, составленным уже в стенах Коми издательства в 1921—1922 гг., была книга для чтения в IV—V кл. школы «Виль туйёд» («По новому пути»), выпущенная в 1923 г. тиражом 10 тыс. экз. В эту книгу вошли лучшие произведения коми писателей того времени, а также произведения коми народной словесности. Работниками издательства в количестве 10—12 человек была создана вторая книга для чтения. Составление этой книги сопровождалось оживленным обсуждением разных вопросов грамматики, орфографии, терминологии и стиля формирующегося литературного языка. В результате широкого обмена мнениями, взаимной консультации происходило уточнение норм литературной речи, оттачивание стилистических приемов, выработка терминологии и т. д. Иными словами, Коми издательство явилось лабораторией по созданию литературного языка коми народа. В этом отношении оно продолжало традиции Коми комиссии, но выполняло работу в значительно больших размерах: кроме актива Коми комиссии, имевшего уже некоторый опыт литературной работы, в издательство был вовлечен целый ряд новых работников-энтузиастов; был значительно расширен также план работы, в который были включены не только учебники, но и альманахи литературных произведений, фольклорные сборники, научно-популярная литература, пьесы и даже литературный журнал «Парма ёль» («Лесной ручей»).

Основная работа по составлению этой школьной хрестоматии («Виль туйёд») принадлежит В. Т. Чисталеву (Тима Вень), А. А. Сухановой, А. А. Забодотской, В. И. Лыткину (Илля Вась) и В. А. Молодцову (последний принимал активное участие в редактировании и разрешении спорных вопросов орфографии). Известное участие в составлении книги принимали также Н. А. Шахов (Сандрик Микол), А. Н. Чеусова и др. Кроме произведений вышеупомянутых лиц в хрестоматию включены были художественные произведения В. А. Савина (Нёбдинс Виттор), М. Н. Лебедева, Е. В. Колегова, Г. А. Старцева, И. Т. Чисталева (Жан Морёс), Ф. В. Попова (Вась Педёр), И. Е. Худяева (Кос Кабыр) и т. д.

Хрестоматия характеризуется тем, что в ней приведено (в конце статей) свыше сотни неологизмов и диалектизмов с соответствующими объяснениями, например: *егыр* — *вёра нюр*, т. е. 'лесистое болото', *енэж* — 'небеса', 'небо', *дзоридз* — 'цветок' и т. д. Такой способ подачи слов, не получивших еще всеобщего

распространения, помогал в усвоении их широкими кругами населения, а сами слова расширяли словарный фонд литературного языка, обогащали его синонимами и т. д. Многие из этих слов употреблялись также в других изданиях этого времени и таким образом прочно вошли в лексический фонд литературного языка. Таковыми являются, например, следующие слова: *мѡв-навы* 'думать', *нѡмѡдь* 'рад', *зѡм* 'крутой', *енѡж* 'небо', *ыб* 'поле', *пѡи* 'бабушка', *войтыр* 'народ', *агас* 'борода', *дзю-ридз* 'цветок', *пѡль* 'дедушка', *сѡмын* 'только', *пемѡс* 'животное', *лача* 'надежда', *потан* 'люлька', *сикт* 'деревня' и т. д. Часть этих слов — диалектного происхождения, а другая часть взята из дореволюционной литературы.

Вслед за рассмотренными учебниками выходит из печати ряд других книг, авторы которых придерживаются тех же грамматических и орфографических норм, и пополняют терминологическую лексику. Среди этих книг особое место занимают следующие: 1) «Коми-русский словарь» Н. А. Шахова, 1924, в котором параллельно со словами литературного языка приводятся местные слова с указанием диалектной принадлежности; 2) «Ичѡт школары коми грамматика» («Грамматика для начальной школы») В. И. Лыткина, 1925, в которой изложены главнейшие особенности фонетики и морфологии литературного языка. Если к этим книгам присовокупить еще книги по естествознанию и по арифметике, изданные тоже в эти годы, то мы получим полный комплект учебной литературы для начальной школы, в языке которой наблюдаются единые нормы в отношении не только грамматики, но и лексики. В книгах этих лет мы видим также единую (за небольшими исключениями) терминологию (грамматическую, математическую, естественно-географическую и общественно-политическую), выработанную в стенах Коми комиссии, Коми издательства и, с 1924 г., Коми отдела Центриздата.

Начиная с 1921 г., со времени организации Коми Автономной области, родной язык вводится во все коми школы и литература начинает распространяться среди всего коми-зырянского населения. Таким образом, основы современного коми-зырянского литературного языка были прочно заложены в 1918—1925 гг., и к концу этого периода они делают достоянием коми народа в целом, постепенно проникая в массы через школу, пункты по ликвидации безграмотности, художественную и общественно-политическую литературу, газеты и т. д.

Процесс дальнейшего развития коми-зырянского литературного языка протекает не всегда гладко, наблюдаются крутые переломы (например, в графике), резкие изменения в принципах (например, в терминологическом вопросе), но наряду с этим мы видим и постепенное накопление в литературной речи новых явлений, проникающих из диалектов и русского языка, а также создаваемых отдельными литературными работниками. Словом,

за последние 40 с лишним лет литературный язык претерпевает большие изменения во всех своих сферах. Для выяснения этих изменений необходимо специально остановиться на ряде отдельных вопросов, каковыми являются, например, следующие: история графики и орфографии, вопрос диалектной основы, проблема синтаксиса, развитие лексики литературного языка.

ИСТОРИЯ ГРАФИКИ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Молодцовский алфавит имел как положительные стороны (строгая фонематичность, последовательность в обозначении мягких согласных и т. д.), так и отрицательные (большое количество специфических букв, не встречающихся в алфавитах других народов, употребление без необходимости некоторых русских букв не в их обычном значении и т. д.). Поэтому с самого принятия алфавита шли оживленные дискуссии. Эти дискуссии происходили почти на всех совещаниях. В 1923—1925 гг. обсуждение алфавита проходило на страницах областной газеты «Югд туй» («Светлый путь»). Одни противники молодцовского алфавита предлагали перейти на латинский алфавит, а другие стояли за принятие русского алфавита и графики без всяких изменений. Однако они не вносили никаких практических предложений, ограничившись лишь абстрактной критикой молодцовского алфавита и связанной с ним системы письма.

Вопрос об алфавите поднимался и позже: на II конференции Коми ассоциации пролетарских писателей в 1928 г. и на Коми лингвистической конференции Главнауки Наркомпроса РСФСР в 1929 г. (в Сыктывкаре). На этой последней конференции был сделан А. С. Сидоровым специальный доклад об алфавите. В результате обсуждения этого доклада было вынесено постановление (мы приводим некоторые места из этого постановления):

«1. Признать, что существующий в настоящее время в коми письменности алфавит В. А. Молодцова вполне приспособлен к языку коми... Однако, занимая изолированное положение в смысле ограниченности (принят только у народа коми), он не удовлетворяет современному общественному движению народов СССР в сторону латинизации алфавитов.

2. Считать необходимым составление нового алфавита на основе более интернационального, латинского, привлекая материал для этого из яфетидологического, аналитического и унифицированного тюркского алфавита...

3. Считать целесообразным совместное разрешение... этого вопроса с другими национальными меньшинствами СССР, еще не успевшими перейти на латинский шрифт, а также с русскими, язык которых является достоянием также и национальных меньшинств...

4. Имея в виду тесные культурно-исторические взаимоотношения между русской национальностью и нацменьшинствами республики, настаивать на скорейшем осуществлении перехода русского письма на латинский алфавит»³⁵.

Конференция решила пока пользоваться молодцовским алфавитом, но вместе с тем разработала развернутую программу перехода на латинизированный алфавит. В газетах и журналах появилось множество статей, авторы которых выступали за переход на латинский алфавит. Между прочим, на этой конференции решено было ввести в молодцовский алфавит буквы *ф*, *х*, *ц*, необходимые для передачи новых русских заимствований (*факт*, *Фрунзе*, *комсомолец*).

Вопрос о латинизации коми и удмуртского алфавитов рассматривался на пленуме Всероссийского Центрального Комитета Нового Алфавита (1930). Пленум признал необходимость перехода коми и удмуртов на Новый латинизированный унифицированный алфавит, которым пользовались уже свыше 60 народов. Была образована специальная комиссия, которая составила проект единого алфавита для коми и удмуртов на основе НА, т. е. Нового латинизированного унифицированного алфавита.

Президиум Совета Национальностей СССР своим решением от 25.IV 1931 одобрил решение ЦК Нового Алфавита³⁶. Бюро Коми обкома ВКП (б) в ноябре 1931 г. утвердило коми алфавит, составленный на основе НА. Начался переход на новый алфавит; период перехода занял около двух лет, он был закончен к 1934 г.; на новый алфавит были переведены газеты, журналы, школьные учебники, была издана некоторая литература.

Латинизация коми алфавита происходила в общем процессе перехода народов СССР на НА, которым уже пользовались многие десятки народов и который тогда назывался алфавитом Октября. Этим массовым переходом руководил специально созданный правительственный аппарат ЦК НА, непосредственно подчиненный ЦИК СССР. Кроме того, в этот период (1929—1930 гг.) проходило в центральной печати оживленное обсуждение вопроса о переводе русского алфавита на латинский, и многие народы переводили свою письменность на НА с надеждой на то, что в ближайшем будущем произойдет латинизация русского алфавита. Но в скором времени дискуссия по латинизации русского алфавита была приостановлена, и русская графика осталась в неизменном виде. Таким образом, коми народ, как и десятки других народов, перешедших на НА, не приблизился в своей графике

к русскому народу, а отделился от него. Благие намерения латинизаторов не увенчались успехом.

Началась делатинизация, и этот процесс перехода с НА на русский алфавит охватил все народы СССР, пользовавшиеся этим алфавитом. Делатинизация коми алфавита прошла в два этапа: сначала от НА перешли обратно на молодцовский, а затем с молодцовского (с 1 января 1939 г.)³⁷ на современный³⁸, в основе которого лежит целиком русский алфавит с добавлением двух букв *ё*, *й*. Первая из них, имеющая 200-летнюю давность, обозначает гласный звук среднего ряда среднего подъема, а вторая употребляется для обозначения твердости предшествующего согласного из парных (ср. *сунис* 'нитка' — с мягким *н*, *сунис* 'нырнул' — с твердым *н*). Целиком была перенесена также русская система письма: способ обозначения мягких согласных, употребление разделительных *ъ*, *ь* и т. д. Однако для специфических звуков и звуко сочетаний были введены особые условные обозначения, например: аффрикаты обозначаются буквосочетаниями *тш* (твердое *ч*), *дз* (звонкая аффриката, соответствующая глухому *ч*); мягкость парных согласных перед *ё*, *ь* обозначается при помощи *ь* (*ньёбны* 'купить', *сьёвны* 'петь'); йотация гласных *ё*, *ь* выражается посредством буквы *й* (*йёв* 'молоко', *кодйёны* 'рыть'); буква *ы* употребляется после всех согласных (*шыр* 'мышь', *жыр* 'комната', *гы* 'волна', *йыв* 'верхушка') и т. д. Коми звуки и звуко сочетания, тождественные звукам и звуко сочетаниям русского языка, передаются так же, как и в русском языке.

Введением условных графических приемов достигнуто то, что на письме отображаются все фонемы коми языка, несмотря на то, что графика базируется не на фонематическом принципе — этим и отличается современная система коми письма от нефонематической графики XVIII и XIX вв., в которой отдельные коми звуки и звуко сочетания на письме не передавались. Будучи тождественной с русской, современная коми графика облегчает обучение грамоте и изучение родного и русского языка и расширяет полиграфические возможности. Недостатками графики являются: 1) употребление сложных букв; 2) обозначение одного и того же звука несколькими способами (*и* — *й*, мягкое *сь* — *пась* 'шуба', *сям* 'нрав'); 3) невозможность правильно расчленять слово на морфемы (*пузяс* 'вскипит' — окончанием является не

³⁵ «Материалы Коми лингвистической конференции Главнауки в Сыктывкаре». Сыктывкар, 1930, стр. 93.

³⁶ Среди латинизаторов коми алфавита были и такие (например, И. И. Оботуров), которые ориентировались на английскую графику, но основная масса их придерживалась в этом вопросе установок, данных центральными органами (ЦК НА).

³⁷ В этом разделе многие фактические данные взяты мною из диссертации: Г. Г. Бараксанов. Коми литературный язык, история его образования и диалектная основа. М., 1964, стр. 120—135. (Рукопись хранится в Институте языкознания АН СССР).

³⁸ Ежемесячный литературный журнал «Ударник» с 1933 (№ 8) по 1935 г. (№ 3) выходит на латинизированном алфавите, а с 1935 (№ 4) до 1938 (№ 12) — на молодцовском и с 1939 г. (№ 1) — на современном русском алфавите.

-яс, а -ас: пуз'-ас). Основной недостаток современной графики — это смешение разных принципов: а) мягкость согласных перед *а, у, э, о* передается специальными буквами *я, ю, е, ё, а* перед *б, ы* — при помощи *ь*; б) сочетания *йа, йу, йэ, йо* передаются буквами *я, ю, е, ё*, а для сочетаний *йи, йы, йё* нет специфических йотованных букв; в) принцип обозначения мягких согласных не соблюдается в отношении аффрикат (*тиш* — ч, *дж* — дз). Но смешение принципов неизбежно, когда алфавит и система письма механически переносятся с одного языка на другой. Приведение к единым принципам потребовало бы создания ряда новых букв, которых нет в русском алфавите, что нежелательно с практической точки зрения (затрудняло книгопечатание, пользование пишущими машинками и т. д.).

Современный алфавит и система письма были выработаны в Коми научно-исследовательском институте, созданном на базе Общества изучения коми края в начале 30-х годов.

ИСТОРИЯ ОРФОГРАФИИ

Принятие русской графики и ориентация при письме на сыктывкарский говор в значительной мере определяли ту часть орфографии, которая связана со способами передачи на письме фонем. При разное в произношении некоторых звуков, наблюдаемом в диалектной основе (*гез* — *дез* 'веревка', *кучысьны* — *кучисьны* 'держаться', *рабочой* — *рабочей* 'рабочий' и т. д.), решено было употреблять тот вариант, который появляется закономерно: например, в слове *кучысьны* часть носителей литературного диалекта *ы* между мягкими согласными произносит как *и*, между тем в этой морфеме (-*ысь*-) после твердого согласного все представители присыктывкарского говора произносят *ы* (*матысьны* 'приблизить', *йоткысьны* 'отталкиваться').

Большие затруднения встретились в вопросах слитного и раздельного письма слов и морфем, а также в написании заимствованных слов. Орфографические основы слитного и раздельного письма были заложены еще в дореволюционной письменности: например, почти все дореволюционные писатели суффиксы словоизменения писали вместе, послелоги раздельно, а частицы — через дефис (П. И. Савваитов, Г. С. Лыткин, А. А. Цембер, и др.). В первое время такого же принципа держался и В. А. Молодцов. Однако позже (1926 г.) он стал вводить обильное употребление дефисов, которые ставились не только перед послелогами и частицами, но и перед определяемым словом, при этом они были разных степеней, что очень осложняло письмо (ср.: *мича*¹ *сера-бордъаса*² *-бобул* букв. 'с красивыми узорчатыми крыльями бабочка'). Эту систему дефисов никто не принимал, теория дефисов Молодцова никем не рассматривалась и никем не утверждалась.

Правда, автор теории дефисов делал на эту тему доклад в Институте народов Востока, где он состоял тогда аспирантом, но не получил одобрения своих взглядов: все единогласно высказались в том духе, что нет практической необходимости в употреблении такого изобилия дефисов. Тем не менее Молодцову удалось склонить на свою сторону редактора коми книг Центриздата, и в Москве стали выпускать коми литературу, испещренную дефисами. Между тем сыктывкарские издания продолжали выходить по старому правописанию.

На страницах газет и журналов открылась дискуссия о дефисах. Эта дискуссия продолжалась и на Коми лингвистической конференции, происходившей в июле 1929 г. Конференция вынесла следующее решение: «Ввиду того, что обильное употребление дефисов научно не обосновано, а также значительно затрудняет письмо и чтение, которое должно быть массовым и практичным, необходимо считать такое обильное употребление дефисов нерациональным». «Через дефис писать: сложные слова с неслитившимися основами с равноценным значением составных частей: *ая-пиа* ('отец с сыном'... повторения: *ыджыд-ыджыд* 'большой-большой'..., рекомендовать писать через дефис частицы, самостоятельно ничего не выражающие: *локтас-ё* 'придет ли?'»³⁹.

На конференции рассматривался также ряд других вопросов литературного языка: о слитном написании слов, о введении в алфавит букв *х, ф, ц* для написания новых русских заимствований и т. д. О слитном написании слов, между прочим, было сказано: «Писать вместе устойчивые сочетания: а) сложные слова, где одна из составных частей в отдельности не употребляется в том звуковом виде, в каком встречаем в сложном слове: *откодь* 'одинаковый' и т. д.; б) сложные слова, которые обозначают новое понятие, т. е. значение этого слова не является суммой значений составных частей: *посводз* 'сени' (*пос* 'лестница' и *водз* 'перед') и др.; в) сложные слова, значение которых почти равняется сумме значений его составных частей, но все же мыслится говорящим как одно целое: *синва* 'слезы' (*син* 'глаз', 'глаза', *ва* 'вода') и т. д.; г) существенные термины, образованные в порядке сложения слов: *кывйыс* 'суффикс' (*кыв* 'слово' и *йыс* 'верхушка') и т. д.

Решения конференции сыграли большую роль в формировании единых норм орфографии коми языка — собственно, на этой конференции были заложены основы современной орфографии. На базе решений конференции в 1930 г. И. И. Разманов выпустил первый орфографический словарь и учебник по коми языку⁴⁰.

³⁹ «Материалы Коми лингвистической конференции Главнауки в Сыктывкаре», стр. 88.

⁴⁰ И. И. Разманов. Коми орфографический словарь. Сыктывкар, 1930. Он же. Коми кыв, ч. 2, 1932. Сыктывкар.

Вопросы языкового строительства продолжали быть актуальными и в 30-е годы. В сентябре 1934 г. была организована Первая объединенная (зырянская и пермяцкая) термино-орфографическая конференция. Эта конференция считала существующие правила коми орфографии недостаточно разработанными и предложила довольно подробный свод правил орфографии, (в котором, в частности: а) такие слова, как *виччысьны* 'сжидать', *чеччыны* 'встать' (в них корневые морфемы *вич-*, *чеч-* в современном языке нельзя выделять), предлагалось писать по фонетическому принципу: *чеччыны*, *виччысьны*; б) подробно были разработаны правила написания заимствованных слов⁴¹. Решения конференции были одобрены постановлением Президиума Коми Областного исполнительного комитета от 20.IX 1934 г.

Работа над систематизацией орфографических норм продолжалась. В конце 1936 г. Коми научно-исследовательский институт провел совещание редакторов, научных работников, учителей и т. д., на котором уточнялись и систематизировались орфографические правила. Рекомендации этого совещания легли в основу работы Орфографической комиссии при облисполкоме Коми АССР.

Эта комиссия во второй половине 1937 г. выпустила «Правила коми орфографии»⁴². Ощущалось отсутствие орфографического словаря, так как словарь И. И. Разманова в связи с латинизацией алфавита потерял свое значение. Орфографический словарь был составлен сотрудниками Коми научно-исследовательского института и выпущен в 1939 г.⁴³

С выходом в свет этого словаря основные нормы коми орфографии установились прочно. В 1942 г. вышло 2-е издание орфографического словаря с небольшими изменениями, в 1953 г. словарь был выпущен 3-м изданием и, наконец, в 1959 г. — 4-м. В каждом последующем издании были внесены уточнения, которые касались главным образом слитного и раздельного написания слов и написания заимствованных слов⁴⁴. Развитие орфографических норм Г. Г. Бараксанов условно подразделяет на три периода: I период (1918—1929) — период разработки основных принципов коми орфографии, отсутствие единства некоторых орфографических норм; II период (1930—1939) — период разработки и систематизации полного свода орфографических пра-

⁴¹ См.: «Резолюции первой объединенной коми (зырянской) и коми (пермяцкой) термино-орфографической конференции». Сыктывкар, 1935, стр. 21—36.

⁴² «Правила коми орфографии». Сост. К. И. Туркин, Г. А. Нечаев, Сыктывкар, 1937.

⁴³ Коми орфографический словарь. Сыктывкар, 1939.

⁴⁴ Г. Г. Бараксанов. Указ. соч., стр. 139—157.

вил, выпуск первого орфографического словаря; III период (1939 — по настоящее время) — период унификации, уточнения и упрощения орфографических норм, основанных на русской системе графики.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ЛЕКСИКА

После победы Великой Октябрьской социалистической революции роль коми литературного языка изменилась коренным образом, социальные функции его неизмеримо расширились: родной язык вводится в школу, появляются газеты и журналы, родная речь звучит на сцене, бурно развивается художественная литература — как оригинальная, так и переводная, появляется научно-популярная литература по самым различным отраслям науки, переводятся произведения классиков марксизма-ленинизма и т. д. (в 1950—1965 гг., например, было переведено 35 работ В. И. Ленина, которые в общей сложности составляют 67 тыс. экземпляров). Все это вызвало бурное развитие лексики.

Как известно, лексика является показателем богатства языка. Еще Н. Г. Чернышевский говорил: «Существенную разницу между языками составляет богатство или бедность лексикона, а состав лексикона соответствует знаниям народа, так что он свидетельствует о его знаниях, о степени его образованности, о его житейских занятиях и образе жизни ... гибок, богат и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, уместная жизнь которого достигла высокого развития»⁴⁵.

Духовная жизнь коми народа в настоящее время достигла высокого уровня. В культурном росте народа играл и играет решающую роль родной язык, на котором в советские годы создана довольно богатая литература, организована начальная школа на родном языке, принята широкое распространение периодическая печать (каждые 2—3 дома выписывают газету на родном языке) и т. д., словом, общественные функции родного языка значительно расширились и продолжают расширяться. В связи с этим происходит бурное обогащение лексики литературного языка, за основу которого был официально принят присыктывкарский говор. Коми литературный язык дореволюционного периода, бытовавший в виде нескольких разновидностей и не имевший широкого распространения, не мог уже удовлетворять куль-

⁴⁵ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. т. X, ч. 2, СПб., 1903, стр. 152.

турные запросы представителей коми народа, пользующихся родным языком в общественной жизни, поскольку в нем не было слов для множества новых понятий и понятий, которые появились только после революции (совет, большевик, соцсоревнование, исполком и т. д.). Бытовой язык, легший в основу литературной речи, пополняется массой новых слов, словарный состав его из года в год расширяется, обогащаясь неологизмами. Каковы источники обогащения лексики?

Основными источниками обогащения лексики коми литературного языка советского периода являются: 1) родной язык в совокупности со всеми диалектами и дореволюционными памятниками письменности и 2) русский язык — в основном русский литературный язык.

Из русского языка после революции вошло в коми литературный язык множество слов: *авиация, автобус, агитпункт, агро-техника*⁴⁶, *антенна, алимент, антифашистский, аплодируете, аэродром* и др. Многие слова русского происхождения, употреблявшиеся в речи коми интеллигенции до революции, тоже проникли в литературный язык и стали широко употребительными в народных массах, как-то: *абсолютной, август, автобиография, автомат, автономия, автор, авторитет, агент, аэтаной, академик, акт, актер, актив, акушерка, альбом, амбулатория, амнистия, анализ, анкета, антракт, аппарат, апрель, арест, арифметика, атака, атеист*. Часть русских слов, заимствованных широкими массами коми народа до революции, также вошла в словарный состав современного коми литературного языка, например: *абажур, агроном, адрес, азбука, азым, айда, акнитны 'ахать', аладдя 'оладья', али 'или', алип 'олифа', алмаз, алдой 'алый', аптека, аппетит, арава 'орава', арбуз, арестант, армия, артель, атаман*. К этим словам русского происхождения следует еще прибавить научные термины вроде: *атмосфера, атом, алгебра, артерия, архитектура*.

Мы здесь привели 60 слов русского происхождения на букву а, взятых из «Коми-русского словаря»⁴⁷. В этом словаре представлена лексика современного коми литературного языка. Две трети из приведенных слов не употреблялись в дореволюционном литературном (письменном) языке, хотя немногочисленная национальная интеллигенция в устной родной речи пользовалась всеми этими словами, кроме советизмов. Данные о заимствованиях на одну букву достаточно ясно свидетельствуют о роли русского языка в обогащении лексики коми литературного языка. Ниже будут рассмотрены следующие вопросы: 1) неологизмы,

⁴⁶ Мы передаем слова в коми орфографическом написании; многие из них в народе произносятся несколько иначе, например, *апетит, апарат, арифметика, агротехника*.

⁴⁷ Д. А. Тимусhev, Н. А. Колегова. Коми-русский словарь. Под ред. В. И. Лыткина. М., 1961.

искусственно образованные из материала родного языка; 2) неологизмы диалектного происхождения и 3) неологизмы, проникшие в литературу из языка дореволюционной письменности. Несколько особо будет рассмотрен вопрос об изменении значения слов, поскольку это явление касается как неологизмов вышеприведенных разрядов, так и многих других слов.

НЕОЛОГИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ИЗ МАТЕРИАЛА РОДНОГО ЯЗЫКА

Слов этого типа в современном литературном языке довольно много. Образованы они следующими способами: а) сложение слов, б) суффиксация, в) абстрагирование корня и г) активизация слов, находящихся на периферии языка. Приведем примеры на каждый вид образования неологизмов.

С л о ж е н и е с л о в: *кыббör* 'послелог', букв. 'слова зад'; слово введено В. А. Молодцовым (1921) и как грамматический термин употребляется до сих пор; у Г. С. Лыткина — *нимбör* 'имени задняя часть' (*ним* 'имя') более точно передает содержание этой части речи; *кысикас* 'часть речи', букв. 'слова сорт (разряд)' (*кыс* 'слово', *сикас* 'сорт', 'разновидность')⁴⁸; *лыдпас* 'цифра', букв. 'числа знак' (*лыд* 'число', *пас* 'знак' — употребляется с первых лет революции: в учебниках арифметики, в газете «Югд туй» 1923—1924 гг. и т. д.; *серпас* неол. 1) 'картина; рисунок'; 2) 'образ; изображение' (КРСл.)⁴⁹, букв. 'узора (пестрины) знак' (*сер* 'узор', 'пестрина', 'резьба', *пас* 'знак'); слово появилось в 20-х годах (см., например, «Вогöгöрся», 1923); в настоящее время в литературе употребляется ряд производных слов, например: *серпаса* 'образный', 'картинный'; *серпасавны* 'создать картину, образ', 'рисовать', 'нарисовать'; *серпаслуи* 'образность', 'картинность' (КРСл.). Как *серпас*, так и производные от него слова широко употребительны. Анкеты, используемые для проверки усвоения неологизмов населением, показывают, что эти слова понятны широким кругам читателей коми литературы.

В 20-х годах появился целый ряд других неологизмов, образованных путем сложения двух слов, например: *сёрникузя* неол. грамм. 'предложение' (КРСл.), букв. 'речи отрезок (определенной длины)'; *сёрни* 'речь', *кузя* 'прядь', 'прядка', 'нить кудели до веретена (при прядении)', 'вообще мера длины нитки — около метра' — термин составлен В. А. Молодцовым в первые годы революции, в конце 30-х годов в грамматике заменен словом

⁴⁸ Автором является В. А. Молодцов, первый раз употребивший в своей книге «Коми грамматика туй писькöдысь» (Сыктывкар, 1921).

⁴⁹ КРСл — Д. А. Тимусhev, Н. А. Колегова. Коми-русский словарь.

предложение, но в литературе продолжает употребляться; *сикт-сѡвет* 'сельсовет', калька (*сикт* 'деревня'); *эскѡданпас* неол. 'удостоверение', 'письменная справка' (КРСл.), состоит из *эскѡдан* прич. от *эскѡдны* 'заставить кого-нибудь верить', 'убедить', 'уверить' и *пас* 'знак'; слово вошло в обиход из канцелярского языка в середине 20-х годов во время введения коми языка в делопроизводство; в конце 30-х годов оно было изъято из литературного языка, но впоследствии вновь вошло в литературу.

Много сложных слов образовано из свободных словосочетаний путем слитного написания компонентов этих словосочетаний; таким образом этим сложным словам придается новое значение. Примеры: *ѡрканы* 'рысь' — *ѡр кань* 'лесная кошка'; *катшасин* 'ромашка' — *катшя син* 'сорочий глаз'; *кузьчышъян* 'полотенце' — *кузь чышъян* 'длинный платок'; *кызкутны* 'нести ответственность' — *кыз кутны* 'держать (сдерживать) слово' (от этого сложного глагола образован ряд производных неологизмов: *кызкутана* 'ответственный', *кызкутѡм* 'ответственность', *кызкутпѡм* 'безответственный', *кызкуттѡмлун* 'безответственность'); *сѡдѡж* 'горностай' — *сѡд бѡж* 'черный хвост'; *турипуз* 'клюква' — *тури пуз* 'журавлиная брусника'; *ужпинь* 'спорынья' — *уж пинь* 'жеробца зуб' и др.

Неологизмами являются также целые словосочетания, обозначающие одно понятие (или же два понятия, сливающиеся в одно) например: *ѡр лѡззыс* 'лесоруб', *ѡр лѡзѡм* 'лесозаготовка' (*ѡр* 'лес', *лѡззыс* 'спускать', 'вывозить'); *мед олас!* 'да здравствует!', употребляется с первых лет революции, представляет собой кальку украинского *хай живе!*, образованную, по-видимому, В. А. Савиным, хорошо знавшим украинский язык; *олѡмѡ пѡртны* 'осуществить', 'выполнить', 'провести в жизнь', букв. 'в жизнь претворить', слово появилось в литературе в 20-х годах; *ѡтувъя овмѡс* 'коллективное хозяйство', букв. 'совместное хозяйство'; *торжны позѡм* 'нерушимый', букв. 'нарушить невозможный' и т. д.

Суффиксальное словообразование. Новые существительные особенно часто образуются при помощи абстрагирующего суффикса *-лун*, реже при помощи суффиксов *-тор* и *-ног*, а также *-ас*, *-ѡд*, *-ѡг*. Примеры:

-лун: *ѡтувъялун* 'единство' (*ѡтувъя* 'общий', 'совместный'); *позялун* 'возможность' (*позян* — прич. от глагола *позыны* 'быть возможным'); *тѡдчанлун* 'значение', 'значимость', 'существенность' (*тѡдчан* — прич. от *тѡдчыны* 'быть заметным', 'быть ощутимым'); *эскытѡмлун* 'неверие', 'сомнение', 'недоверие' (*эскытѡм* — отрицательное прич. от *эскыны* 'верить') и др.

-тор и *-ног*: *мысьтѡмтор* 'безобразие' (*мысьтѡм* 'некрасивый'); *тырмытѡмтор* 'недостаток', 'недочет', 'дефект' (*тырмытѡм* 'недостающий', 'дефицитный'); *гижанног* 'правописание', букв. 'способ письма' (*гижан* — прич. от *гижны* 'писать');

шуанног 'произношение' (*шуан* — прич. от *шуны* 'сказать'), *-ас*, *-ѡд*, *-ѡг*: *видзѡдлас* 'взгляд', 'точка зрения' (*видзѡдлыны* 'посмотреть'); *индѡд* 'указание' (*индыны* 'указать', 'показать'); *быдмѡг* 'растение' (*быдмыны* 'расти') и др. Последние два неологизма употребляются с 20-х годов, а первый появился позже.

Образование глагольных неологизмов при помощи суффиксов *-ал*, *-ѡд*: *аскодяны* грамм. 'ассимилировать', *аскодялѡм* 'ассимиляция', *аскодь* 'себе подобный', слово употребляется с 20-х годов; *аттьѡавны* 'благодарить', *аттьѡ* 'спасибо', слово в 30-х годах уже употреблялось; *подулавны* 'обосновать', *подув* 'основа'; *чолѡмавыны* 'приветствовать', 'поздравлять', *чолѡм* 'привет', слово в 30-х годах уже употреблялось; *гѡгѡрѡвѡдны* 'объяснить', понудительная форма от *гѡгѡрѡвыны* 'понимать'; *тѡдчѡдны* 'выделить', 'отметить', 'подчеркнуть', понудительная форма от *тѡдчѡдыны* 'быть заметным, видным'.

Абстрагирование корня слов. Из производных слов берется корень и наделяется определенным значением. Примеров на этот способ образования неологизмов немного, приведем некоторые из них: *висѡт* 'рассказ' — из *висѡтавыны* 'рассказать'; *мѡвп* 'мысль', 'мнение' — из *мѡвпавны* 'мыслить', 'думать' (это последнее взято из дореволюционной литературы); *ѡд* 'темп', абстрагирован корень слова *ѡдйѡн* 'быстро' без вставочного *й*, вследствие этого произошла дифференциация двух слов: *ѡдйѡн* 'быстро' и *ѡдѡн* 'темпами'. *Мѡвп* и *ѡд* появились в литературе в 20-х годах и имеют широкое употребление.

Активизация периферийных слов, т. е. слов, сохранившихся в фольклоре, фразеологизмах, детском языке и т. д. Например *аттьѡ* 'спасибо' раньше употреблялось только в детском языке, в литературный язык вошло с первых годов революции; *пемѡс* 'животное', 'живое существо' (КРСл), встречалось только в сочетании *кывтѡм пемѡс* 'бессловесное животное', оно проникло в литературный язык в значении 'животное' в 20-х годах и т. д. Очень много периферийных слов было введено в литературный язык еще дореволюционными деятелями, поэтому трудно сказать, введены ли они в литературный обиход в порядке активизации литературными работниками советского периода или же советские литераторы заимствовали их из языка произведений Г. С. Лыткина; таковыми являются, например, следующие: *ань* 'женщина' (КРСл.), встречается в выражениях *бур ань* 'хорошая женщина', *омѡль ань* 'нехорошая женщина'; *верѡс* 'супруг', 'муж' (КРСл.), раньше употреблялось в выражении *верѡс сайѡ* (*мунны*) 'замуж (выйти)'; *дзѡридз* 'цветок', 'цвет' (КРСл.), раньше употреблялось только в сочетаниях *ѡз дзѡридз* 'цветок земляники' (*ѡз* 'земляника'), *пуз дзѡридз* 'цветок брусники' (*пуз* 'брусника') и т. д. (когда речь шла о цветках ягод, растущих не на кустах); *саридз* 'море', слово употреблялось в фольклоре и фразеологизмах в значении 'теплые края, куда на

зиму улетают птицы»; *сынööд* 'воздух' неол. (КРСл.), раньше изредка употреблялось в разных словосочетаниях в различных значениях: *сук сынööд* 'туман' (*сук* 'густой'), *сынööд вöчны* 'обкуривать', *сынööдс тіралö* 'дрожит, колеблется воздух' (речь идет о мареве) и т. д.⁵⁰ Кроме таких неологизмов, искусственно образованных из элементов родного языка, встречающихся в основном диалекте (они обычно имеются и в других диалектах), в современном литературном языке присутствует большое количество слов диалектного происхождения.

НЕОЛОГИЗМЫ ДИАЛЕКТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Проникновение диалектных слов в литературный язык началось с первых же лет революции. Однако вначале диалектная лексика вводилась в литературный язык в недостаточной мере. Это отмечалось на литературных и лингвистических конференциях 20-х годов. На Коми лингвистической конференции Главнауки в г. Сыктывкаре (1929 г.) было вынесено решение:

«В дальнейшем необходимо держать курс на максимальное использование богатств диалектов коми языка в отношении:

1) Словарного состава — путем обогащения: а) диалектными словами, обозначающими такие понятия, которых нет в литературном языке (в литературном диалекте. — *В. Л.*), б) местными словами, обозначающими всевозможные оттенки понятий (*паш-ляк* 'трескучий мороз', *кööдыд* 'холодно', *сайкыд* 'прохладно', *йирмöг* 'дрожь' и т. д.), в) синонимами (*кодравны*, *казьтывны* 'помянуть', *дзоль*, *пони*, *ичöт* 'маленький', *кытсавны*, *чуксавны* 'звать')»⁵¹.

Курс был взят совершенно правильный. В конце 20-х годов был сделан большой сдвиг в деле сближения диалектов коми языка. В этом процессе сближения в литературную речь могучим потоком влилась диалектная лексика и вообще словарный состав языка стал бурно развиваться, пополняться неологизмами самого разнообразного характера.

В деле обогащения лексики литературного языка диалектизмы имеют исключительно большое значение. Диалектизмы сыграли важную роль в развитии синонимии, они дополнили литературную речь словами, обозначающими местные этнографические понятия, и экспрессивными словами, имеющими большое значение в языке художественной литературы. В отдельных слу-

чаях местные слова введены в литературный язык также для устранения омонимов.

Рассмотрим эти категории слов диалектного происхождения (при этом берутся только те слова, которые прочно вошли в фонд литературного языка⁵²).

Неологизмы диалектного происхождения мы разделяем на синонимы; слова, обозначающие понятия, передаваемые в литературном диалекте описательно (там нет специальных слов для таких понятий); экспрессивные слова; слова, устраняющие омонимы литературного диалекта.

Синонимы. Абсолютные синонимы (слова-дубликаты): *агас*, *пиня* скр. 'борона'; *вешон*, *недель* скр. 'неделя'; *гешööд*, *шоч* скр. 'редкий'; *гос*, *сыв* скр. 'жир', 'сало'; *дзоль*, *ичöт* скр. 'маленький'; *ёрт*, *тöварыш* скр. 'товарищ'; *курич*, *кöсяк* скр. 'косяк'; *курöг*, *чипан* скр. 'курица'; *кымöс*, *плеш* скр. 'лоб'; *лача*, *надея* скр. 'надежда' и т. д.

Относительные синонимы: *пергыльтны* 'идти, прихрамывая', *ваджиктны* скр. 'идти, раскорячась'; *вачкыны*, *вартны*, *рабыштны*, *кучкыны* скр. обозначают разные оттенки понятия 'ударить', *элясьны* 'высказывать недовольство', 'обижаться', 'жаловаться'; *норасьны* скр. 'жаловаться'; *шушкыль* 'шепелявый', *пыскыль* скр. 'косноязычный'; *шедööдны* 'добиться', 'достигнуть', *перйыны* скр. 'добыть', 'достать', 'вытащить'; *евзгысьны* 'наброситься', 'накинуться (на кого-нибудь со злостью)', *уськööдчыны* скр. 'броситься', 'наброситься' (без экспрессивного оттенка); *лигышмунны* 'сильно устать', *рудзавны* скр. 'ослабнуть от усталости (например, о руках)'; *педзны*, *тойтны*, *жööдзны* скр. выражают разные оттенки глагола 'топаться на месте' и т. д. Относительных синонимов очень много в каждом отдельном диалекте. Так, например, в сыктывкарском диалекте для выражения разных оттенков значения слова 'ударить (кого-нибудь)' употребляются следующие слова: *кучкыны*, *швачкыны*, *колскыны*, *сетыштны*, *сöрвитны*, *сöтыштны*, *косьыштны*, *шульскитны*, *швичитны*; этот синонимный ряд обогатился еще диалектными словами: *вачкыны*, *вартны*, *рабыштны*.

Фонетические синонимы (диалектные слова отличаются от слов основного диалекта только отдельными звуками): *дöнзыны*, *дбэмыны* скр. 'раздражаться', 'сердиться', 'злиться'; *жаявны*, *жуявны* скр. 'измемогать'; *жельнöг*, *лежнöг* скр. 'шиповник'; *мен*, *мем* скр. 'мне'; *сьöвмöс*, *сьömöс* скр. 'сердцевина'; *ун*, *он* скр. 'сон'; *ыршасьны*, *эршасьны* скр. 'замахиваться'.

Морфологические синонимы (слова, отличающиеся друг от друга по своему морфологическому составу): *водзті*,

⁵⁰ См.: Т. И. Жилина, М. А. Сахарова и В. А. Сорвачева. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. Под общей редакцией В. А. Сорвачевой.

⁵¹ См.: Г. Г. Бараксанов. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964, стр. 10—11.

⁵² В «Коми-русском словаре», Д. А. Тимусева и Н. А. Колеговой, являющемся нормативным словарем, они приводятся без пометы *диал.*, сыктывкарский диалект сокращен как *скр.*

войдөр скр. 'раньше', 'прежде'; зыксыны, зычитны скр. 'шуметь, ругаясь'; исласыны, иславны скр. 'кататься (на санках)'; йёлда, йёла скр. 'эхо'; мазі, малязі скр. 'пчела', 'шмель'; некымын, кымынкё скр. 'несколько'; номырзыны, номырёссыны скр. 'червиветь'; ота-мёд, мёда-мёд скр. 'друг друга'.

Диалектизмы, обогатившие литературный язык новыми понятиями или оттенками понятий (в литературном диалекте эти понятия передавались описательно).

В диалектах коми языка имеется немало слов, которые обозначают местные этнографические понятия или же выражают особые оттенки мысли, отсутствующие в литературном диалекте. Часть таких слов вошла в литературную речь, например: вежавидзы 'стесняться', 'вести себя скромно, сдержанно, прилично, почтительно из уважения к кому-нибудь'; выйдём 'вид самодельной халвы'; идёртём 'неаккуратный'; ляти 'жидкое тесто'; мевйёдны 'располагать к себе'; мыла 'мелодичный', 'приятный', 'музыкальный'; няр 'замша'; помка 'причина', 'основание', 'повод', 'предлог'; такёдны 'успокаивать', 'убеждать', 'увечивать'; чуйдёдны 'навести', 'натолкнуть', 'направить (на что-либо)', 'подать мысль, идею'; шыёдчыны 'обратиться (например, за помощью)'; ызийдны 'будоражить', 'подзадоривать'; ыла 'дальность', 'расстояние'; ышловзыны 'вздыхнуть'.

Экспрессивные слова. Из диалектов в литературный язык вошло довольно много экспрессивных слов, например: антус 'бес', 'черт', 'анафема'; бёб 'глуховатый'; ляспадъян — эпитет для неряшливо одетой женщины; мокаст бран. 'пострел'; мути 'леший'; пасьвартны 'разбить вдребезги'; пашляк 'треسкающий мороз'; чепелыш 'шалуныя', 'попрыгунья' и т. д.

Диалектизмы, устраняющие омонимы литературного диалекта. В литературный язык введен ряд диалектизмов в целях устранения омонимии, встречающейся в сыктывкарском и в ряде других диалектов, например: дорсьыны скр. 1. 'заниматься ковкой' и 2. 'закончить ковку', в первом значении в литературный язык введено диалектное слово дорчыны; мед скр. 1. 'пусть' и 2. 'чтобы', во втором значении введено диалектное слово медым; пон скр. 1. 'конец' и 2. 'собака', в первом значении введено диалектное слово пом.

СЛОВА, ВЗЯТЫЕ ИЗ ЯЗЫКА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дореволюционная литература (главным образом произведения Г. С. Лыткина) оказала известное влияние на лексику современного литературного языка. Так, например, многие грамматические термины остались те же самые, что в грамматике Г. С. Лыт-

кина: шыпас 'буква', ним 'имя', лыд 'число', кад 'время', нимтан 'именительный (падеж)', сепан 'дательный', петан 'исходный', керан 'винительный', пыран 'вступительный' и т. д. Из языка произведений Г. С. Лыткина вошли в современный литературный язык также многие бытовые слова, например: эскыны 'верить', мёвпавны 'думать', сынёд 'воздух', саридз 'море', енэж 'небо', верёс 'муж', дзоридз 'цветок', пёч 'бабушка', зарни 'золото'. Эти слова сохранились в диалектах или в определенных выражениях, откуда их и взял в свое время Г. С. Лыткин. Но мы все же предполагаем, что деятели литературы советского времени эти слова не взяли непосредственно из диалектов, фольклора, фразеологии и т. д., где они бытовали и бытуют до настоящего времени, а заимствовали из языка дореволюционной литературы, с которой они, безусловно, были знакомы. Этим объясняется также то, что эти бытовые слова вошли в литературный язык в первые же годы революции как слова уже общепринятые, употребляемые в письменной речи в течение многих десятилетий.

Мы рассмотрели способы образования неологизмов. Необходимо сказать несколько слов об истории этих новых слов. Новые слова образуются в литературном языке непрерывно, но однако были периоды, когда особенно бурно протекало словотворчество. Следует отметить два периода интенсивного развития лексики коми литературного языка: 1) 20-е годы — период оформления литературного языка и 2) 50-е годы.

В 20-е годы был создан основной костяк лексического состава литературного языка. В это время появились в литературе такие слова как аттьё 'спасибо', быдмёг 'растение', висьт 'рассказ', дзоридз 'цветок', енэж 'небо', колипкай 'соловей', курёг 'курица' и т. д. (до ста неологизмов бытового характера). Кроме этих бытовых слов, в литературном языке употреблялись сотни терминов (грамматических, математических, канцелярских и т. д.).

В конце 30-х годов все термины были заменены русскими. Из вышеперечисленных бытовых слов почти половина была изъята из употребления в литературе. В «Русско-коми словарь» С. И. Коновалова⁵³ (книга утверждена Наркомпросом Коми АССР), например, не попали следующие слова: висьт, дзоридз, енэж, ичинь, кёлысь, кывбур, кымёс, лача, мездлун, муртавын, нимкодьясны, пашляк, помка, саридз, сикас, чёрёс, шайт 'рубль', шы 'звук', ыб, эскыны. Между тем эти слова вошли уже в народные массы, обогатили синонимичку и поэтому нельзя считать целесообразным изъятие их из употребления.

Школьные учебники были написаны плохим языком. Язык периодики намеренно насыщали русскими словами и оборотами, например: «Война ёзтысьяс, Сёветской Союзлён отъ я в л е н

⁵³ С. И. К о н о в а л о в. Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1940.